

84560**МАЙ**86**ЦЗЯ**
273**ЗАГОВОР**9574
0974346664957630
86072975832II7
578390529987484
800_275397__968
6493502749309535
3470290375834I2
7534975937785934
0I284685749649
20087649875682
09583095739I234
923056709454308
7399845975466490
673985984055603

Май Цзя Заговор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18632690

Заговор:

ISBN 978-5-89332-246-0

Аннотация

Роман «Заговор» современного китайского писателя Май Цзя посвящен работе людей, наделенных особыми талантами и работавших в специальном подразделении органов государственной безопасности в 30-60-х годах прошлого века. Три части романа рассказывают о трех принципиально разных методах работы разведки. Легкий для чтения, захватывающе интересный роман, написанный с большой долей юмора, был хорошо встречен читателями. «Заговор» был так популярен, что его решено было экранизировать, и в 2005 году на экраны страны вышел сорокасерийный фильм, имевший громкий успех и способствовавший новой волне интереса к знаменитому роману, за который в 2008 году Май Цзя получил самую престижную в Китае награду в области литературы – премию Мао Дуня.

Содержание

Предисловие	4
ПРОЛОГ	7
Часть первая	24
Глава 1.	25
Часть вторая	97
Глава 2.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Май Цзя Заговор

Предисловие

Май Цзя (род. 1964) – известный китайский писатель. Его настоящее имя – Цзян Бэньху. Сейчас он возглавляет Союз писателей провинции Чжэцзян. Перу Май Цзя принадлежат несколько романов и рассказов, номинировавшихся и получавших призы различных литературных конкурсов, но знаменитым его сделал именно роман «Заговор».

В 2008 году этот роман получил самую престижную награду Китая в области литературы – премию Мао Дуня, ее вручают раз в несколько лет. Из более чем двухсот романов было отобрано всего четыре финалиста, среди них был и «Заговор». Три других произведения рассказывали истории из сельской жизни, и объявление победителем шпионского романа стало для всех неожиданностью.

«Заговор» посвящен людям, наделенным особыми талантами и работающим в специальном подразделении органов государственной безопасности. Действие происходит в середине XX века. Роман состоит из трех частей, в каждой из них рассказываются истории от лица разных людей, и все они объединены собравшим эти повествования журна-

листом. Три части романа раскрывают три принципиально разных метода работы разведки. В один узел сплетаются прослушивание радиопередач и семейные неурядицы, дешифровка кодов и любовь, математический гений и страсть. Работники спецслужб предстают перед читателем с необычной стороны. Автор показывает истинную жизнь этих бойцов невидимого фронта.

Произведение отличают запутанная интрига и тонкий психологизм. Захватывающий роман, написанный легко и с большой долей юмора, был хорошо встречен читателями.

Роман пользовался такой популярностью, что его решили экранизировать. В 2005 году на его основе был создан сорокасерийный телевизионный сериал. В 2007 году на Тринадцатом шанхайском кинофестивале Май Цзя получил приз за лучший адаптированный сценарий. В 2012 году на экраны вышел фильм «Слушающий ветер» (английское название «Молчаливая война»), основанный на первой части романа «Заговор». В этой картине снимались звезды китайского кинематографа Тони Леунг и Чжоу Сюнь. Фильм также пользовался успехом и всколыхнул очередную волну интереса к роману.

Следует упомянуть, что «Заговор» переиздавался несколько раз, в связи с чем его структура претерпевала изменения. В первоначальном варианте роман делился на три части, вторая и третья части состояли из двух глав. Позднее, когда на экраны вышел сериал, автор поменял местами главы

и почти в два раза сократил содержание самой длинной, второй части. Однако в третьем издании Май Цзя вернул тексту первоначальную структуру, отказавшись лишь от последней главы третьей части: по его мнению, эта часть выбивалась из общей концепции романа и стилистически, и композиционно, и по содержанию (впоследствии Май Цзя преобразовал эту часть в самостоятельное произведение).

В настоящем издании приводится именно эта, итоговая версия, предложенная для перевода самим автором.

Е. Митькина

ПРОЛОГ

01

Иногда бывает, что жизнь странным образом меняется, как будто огонь внезапно натолкнулся на воду или, наоборот, вода столкнулась с огнем, когда человек, которого ты не видел несколько десятков лет, вдруг случайно встречается тебе на улице или же незнакомец неожиданно становится лучшим другом. Я верю, что в жизни каждого бывали такие моменты. И в моей тоже. Откровенно говоря, эта книга – результат такой неожиданной, случайной встречи.

02

Эта неожиданная встреча была очень интересной. Случилось это двенадцать лет назад. В то время я был юнцом неполных тридцати лет, в организации занимался простой работой и никогда не выполнял поручений, связанных с полетами на самолете. Но однажды мой начальник отправился в Пекин с докладом еще более высокому начальнику. Содержание доклада было написано черным по белому, мой руководитель всю дорогу его повторял, старательно запоми-

ная, и заучил его практически наизусть, так что мне не требовалось его запоминать. Но уже накануне встречи большой начальник изменил тему того, о чем хотел бы услышать в докладе, мой руководитель растерялся и велел мне прилететь и на месте помочь подготовить материалы. Так мне впервые выпала честь лететь на самолете. Как писал какой-то поэт, «с помощью Неба» я менее чем за два часа добрался до Пекина. Ранг моего начальника был все-таки не очень высок, поэтому он лично прибыл в аэропорт, чтобы встретить меня, естественно, это было сделано не только из приличий, но и потому, что он хотел «поскорее ввести меня в курс дела». Однако только я вышел из аэропорта и уже должен был встретить начальника, как два товарища из органов безопасности нагло встряли между нами и без разъяснений потребовали, чтобы я «прошел с ними». Я спросил, в чем дело. Они ответили:

– Пройдемте с нами и узнаете.

Говоря это, они подталкивали меня идти с ними, а мой начальник разволновался даже сильнее, чем я сам. По дороге он беспрестанно спрашивал меня, что случилось, но разве ж я знал? Я был почти уверен, что произошло таинственное «похищение» или же просто ошибка. Я несколько раз повторил «господам» свое имя, что иероглиф Май – как в слове «пшеница» майцзы и Цзя – как в слове «семья» цзятин. Родители выбрали мне такое имя из скромности, вероятно, в надежде, что и я буду скромным. Потому что мое имя Май Цзя связано с полем, пашней, крестьянством, оно очень про-

стое.

«Господа» не испытывали к моему имени никакого интереса. Они ответили:

– Нам нужны именно вы, никакой ошибки.

Звучало это странно, но резон в их словах был, потому что меня им описали в подробностях, какая уж тут ошибка? Вызвали их, чтобы меня забрали, два человека, с которыми я сидел рядом в самолете и чью беседу подслушал. До меня постоянно доносился их говорок, благодаря которому я словно вернулся в свой далекий родной край. И, заслышав их такой знакомый говор, я сам завел с ними разговор. Кто же мог знать, что этим я навлеку на себя неприятности и два товарища из органов безопасности задержат меня, словно злодея?

Они были сотрудниками отдела безопасности аэропорта. Имели ли они право задерживать меня – это другой вопрос, более глубокий, но, кажется, совсем не важный. Главным было то, как мне выбраться оттуда. Они отвели меня и моего начальника в свой офис, который состоял из двух комнат – внутренней и внешней. Внешняя комната была небольшая, когда мы вчетвером в нее вошли, она стала казаться еще меньше. Когда все уселись, полицейские начали допрашивать меня: имя и фамилия, организация, в которой работаю, семейное положение, политические взгляды, социальные связи и т. д. Казалось, что мой статус в одно мгновение стал подозрительным. К счастью, мой начальник тоже тут

присутствовал, он снова и снова «твердо и авторитетно» подтверждал, что я не лицо без определенных занятий, а государственный кадровый работник, «строго соблюдающий закон и дисциплину». Поэтому допрос закончился, можно сказать, довольно быстро.

После этого полицейские сменили тему. Все их вопросы сконцентрировались на том, «что я видел или слышал в самолете», и я даже не знал, с чего начать. Так как я впервые имел честь лететь на самолете, то увиденного и услышанного было много, мелкого и незначительного, впечатления были хаотичны. Откуда я мог знать, о чем следовало говорить? После моих просьб полицейские стали спрашивать меня более направленно. На самом деле их волновал один вопрос: что я слышал из разговора «земляков»? Только тут я осознал, что случайно встретившиеся мне земляки, вероятно, являются необычными людьми и мой нынешний непривычный опыт имеет непосредственное отношение к тому, что я услышал и, главное, понял из их тайного разговора. Они думали, что их «птичий язык» местного наречия никто не поймет, и, словно в безлюдной местности, смело обсуждали свои секреты, не предполагая, что рядом есть уши, которые слушают и слышат абсолютно все.

Тогда они забеспокоились.

В тот момент они и решили, что называется, «начать чинить хлев, когда овцы уже пропали»¹ – исправить все, пока

¹ Идиоматическое выражение, отсылающее к эпохе Воюющих царств. В то вре-

еще не поздно.

Однако, говоря по правде, я не услышал в их речи ничего необычного. Они не сразу начали говорить на нашем местном наречии, да и я не сразу распознал в них земляков. К тому же это был мой первый полет на самолете. Но, после того как прошло первое любопытство, я понял, что вокруг нет ничего интересного. Поэтому, когда самолет взлетел, я почувствовал, что делать нечего, посидел как дурак и, естественно, надел наушники и начал смотреть кино. Только сняв наушники, я услышал их разговор – и словно родителей встретил, сразу же придвинулся к ним. Откуда же я мог знать, что они обсуждают? Такие мои слова походили на увертки, но говорю как есть: в моих словах не было лжи.

На самом деле, подумайте, если бы у меня были недобрые намерения, разве полез бы я к ним с дружескими чувствами? И к тому же, раз уж я к ним обратился, стал бы я это делать после того, как они разговаривали уже длительное время

мья в княжестве Чу правил Сян-ван (? -263 гг. до н. э.). Вместо того чтобы заниматься делами страны, заботиться о положении государства, он предавался всевозможным наслаждениям. Советник Чжуан Синь пытался увещевать его, но Сян-ван ничего не хотел слышать, и Чжуан Синь удалился в княжество Чжао. Через пять месяцев княжество Цинь напало на его родину и захватило столицу, а Сян-ван вынужден был бежать. В этот момент Сян-ван вспомнил честные слова преданного чиновника. Он послал гонца, чтобы вернуть Чжуан Синя. Когда тот прибыл, Сян-ван спросил, есть ли возможность спасти ситуацию. Чжуан Синь ответил: «Когда увидел зайца, еще не поздно обернуться с приказаниями к своей собаке. Когда пропала овца, вовсе не поздно починить загон» – и подсказал Сян-вану, как поступить. В результате княжество Чу сумело собрать силы и дать отпор Цинь. – Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.

мя? И еще – поскольку я к ним обратился сразу, как услышал их говор, то мог ли услышать начало и конец их разговора? Хотя и говорят, что устные показания не принимаются в качестве доказательства, но, если рассуждать спокойно, нельзя сказать, что мое утверждение – «не слышал, о чем они говорят» – не заслуживает всестороннего рассмотрения. Моя преданная заинтересованность не пропала зря, я удостоился славословий со стороны своего начальника. Полицейские уже собирались заканчивать, они склонились друг к другу головами и пошептались. Один из них сходил во внутреннюю комнату, а когда вышел, был готов отпустить меня. Однако я должен был гарантировать следующее: так как дело касалось государственной тайны, я не должен распространяться ни о чем, что слышал, иначе за последствия отвечаю сам. Я, естественно, на все согласился и наконец «покончил с этим».

03

На самом деле, как можно «покончить с этим»?

В последующие дни это событие постоянно маячило в воспоминаниях, словно призрак, рождая ощущение таинственности и страха, от которого волосы вставали дыбом. Я не представлял, что за люди эти земляки, обладавшие таким загадочным авторитетом и тайнами, что ни одной фразы не стоило слушать? Я, можно сказать, повидал на своем веку,

но с таким не то что не сталкивался, а, честно говоря, боялся увидеть. Выйдя из полиции, я первым делом достал из кармана визитки, оставленные мне двумя земляками, разорвал их и выкинул в урну. В урну аэропорта. Не стоит и говорить, что визитки наверняка были фальшивые, поэтому можно сказать, что они и так были мусором. Я так хотел их выкинуть потому, что это был не просто акт выкидывания мусора. Я надеялся таким образом превратить в мусор все неприятности, доставленные мне земляками, чтобы они капились ко всем чертям! Для меня это было важно, потому что я был обычным человеком, больше всего боявшимся пересудов и скандалов.

Но у меня было предчувствие, что они еще будут искать меня.

Как и следовало ожидать, вскоре после того, как я вернулся из Пекина, раздался звонок от этих двух земляков (я-то им оставил настоящий адрес и телефон). Они по очереди приветствовали меня, давали мне объяснения, приносили свои извинения, утешали и вежливо пригласили меня к себе. Надо сказать, что их учреждение находилось рядом с уездным городом нашего района, вероятно в горах. Я еще до этого слышал, что в том уезде есть крупная, очень загадочная организация, находившаяся в ущелье. После того как они там обосновались, больше никто в то место не ходил и даже жившие в горах крестьяне целыми семьями переехали. Именно поэтому никто не мог сказать, что же это за органи-

зация. Мнений было много: кто-то говорил, что они разрабатывают ядерное оружие, другие – что это походный дворец главы центрального правительства, еще судачили, что там располагаются органы государственной безопасности, – не было единого мнения. Когда тебя приглашают в такое таинственное место, есть от чего прийти в волнение. И хотя я еще не совсем оправился от пережитого страха, но все еще был взбудоражен. Однако время шло, а я все медлил, видимо, по-прежнему еще боялся.

Позже, во время празднования Дня образования КНР², замной приехали на машине со словами, что меня пригласили на обед. Я спросил:

– Кто пригласил?

Приехавший человек ответил:

– Наш директор.

– А кто ваш директор?

– Съездите и узнаете.

Точно так же говорили и полицейские из аэропорта. Я сразу же почувствовал, что это, вероятнее всего, те два земляка. Я поехал, и оказалось, что это действительно так. Кроме того, там были еще люди, говорившие на нашем наречии, – мужчины и женщины, молодые и старые, человек семь-восемь. Это была встреча земляков, которая проводилась каж-

² 1 октября 1949 года Цзедун на площади Тяньаньмэнь торжественно провозгласили образование Китайской Народной Республики. Позднее, 2 декабря, было издано постановление о том, что 1 октября отныне объявляется национальным праздником.

дый год вот уже лет пять или шесть. Отличие было в том, что в этом году к собранию присоединился я.

К этому моменту, можно сказать, сформировалась первопричина этой книги, дальнейшие события произошли со временем.

04

В данной истории рассказывается история особого подразделения 701.

Число «семь» удивительное, по своему характеру оно, скорее всего, черное. Черный – совершенно точно некрасивый цвет, но и не вульгарный. Он тяжелый, таинственный, цвет нападения, гнева, независимости, тайн и фантазий. Насколько мне известно, во многих странах в названиях организаций, выполняющих особые миссии, есть цифра «семь», например: Седьмое подразделение Директората военной разведки Великобритании MI-7, седьмой отдел Министерства госбезопасности бывшей ГДР, седьмой советник президента Франции, Седьмое управление КГБ СССР, японский Отряд 731, Седьмой флот США и т. д. Что касается Китая, то в нем есть особое подразделение 701. Это была разведывательная служба, созданная по образцу советского седьмого управления КГБ. Его характер и задачи были «особыми». При нем было три «особых» отдела – отдел радиоперехвата, отдел дешифровки, оперативный отдел.

Отдел радиоперехвата занимался техническим обеспечением, отдел дешифровки – расшифровыванием тайных кодов, а оперативный отдел, естественно, отвечал за оперативные действия, осуществление разведывательной деятельности. Радиоперехват означает слушать «звуки за горизонтом» – бесшумные звуки, голоса тайн; дешифровка – это расшифровывание кодов и книг без иероглифов, толкование непонятных записей; оперативная работа – это маскировка, проникновение в «логово тигров», открытые столкновения. Внутри этой системы людей, занимающихся радиоперехватом, обычно называют «слушающие ветер», тех, кто работает над дешифровкой, – «смотрящие на ветер», а оперативных работников – «ловцы ветра». Говоря по существу, люди, занятые в разведке, все контактируют с «ветром», разве что методы отличаются у разных отделов.

Один из тех двух моих земляков был первым начальником тогдашнего особого подразделения 701 по фамилии Цянь. Все сослуживцы в лицо звали его «директор Цянь», а за спиной – «босс Цянь». Другой земляк – опытный сотрудник оперативного отдела по фамилии Люй, в молодости он занимался в Нанкине подпольной работой для партии, его кличка была Старый Батат³, намекавшая на его подпольную деятельность. Они оба были революционерами, участвовавшими в

³ Игра слов. Слово «батат» по-китайски дигуа, что созвучно слову дися – «подпольный».

Освобождении⁴. Возраст обоих приближался к шестидесяти. Можно считать, что в подразделении 701 они были самыми ценными сотрудниками, словно «единственный оставшийся на дереве плод». Позже мои отношения с двумя земляками постепенно углублялись, так что я потихоньку превратился в особого гостя отдела 701 и мог ездить в горы «прогуляться».

Гора называлась Учжишань – «Гора пяти пальцев». Название говорило само за себя: она выглядела словно пять пальцев, вытянувшихся на земле, и, естественно, между ними пролегали ущелья. Первое ущелье было ближе всего к уездному городу – в двух-трех километрах; вышел из-за горы, и сразу город, это был маленький горный городок рядом с речкой. Это ущелье было и самым широким. Подразделение 701 изначально построили именно здесь, на его территории была больница, школа, магазины, рестораны, гостиница, стадион и т. п. Это было как бы общество в миниатюре, много сотрудников, приезжать туда было удобно. Так как я писал эту книгу, то часто приезжал сюда брать интервью и в каждый приезд останавливался в ведомственной гостинице на несколько дней. Через какое-то время многие уже стали узнавать меня, а так как я все время носил солнечные очки (с двадцати трех лет меня преследовала светочувствительность правого глаза, и даже при свете обычных ламп нака-

⁴ Борьба Китайской коммунистической армии с гоминьдановским правительством, продолжавшаяся еще три года после окончания войны с Японией (1946–1949).

ливания следовало носить солнечные очки), люди называли меня «репортер в черных очках».

Что касается остальных трех ущелий, то чем дальше они были от города, тем становились уже, и если говорить о трудности попадания туда, то она была тоже выше. Мне посчастливилось три раза попасть во второе ущелье и два раза – в третье, а вот в последнем, четвертом, я так и не был. Говорят, там была территория отдела дешифровки, самое таинственное место в горах. Оперативный отдел располагался во втором ущелье справа, а также там был тренировочный центр подразделения 701. Это подраздел, построенный в ущелье слева. Оба отдела напоминали два крыла, раскинувшиеся в горах, они были словно открытые створки дверей, только левая створка была заметно больше правой. По слухам, в оперативном отделе народу было мало, в основном они все работали «вне офиса».

В третьем ущелье также находились две организации – отдел радиоперехвата и бюро подразделения 701. Они располагались не так, как оперативный отдел и тренировочный центр, а были обращены лицом друг к другу, делились как бы на переднее и заднее. В переднем находилось бюро, а в заднем – отдел радиоперехвата, а между ними – общая территория, места общественного пользования, такие как спортплощадка, столовая, туалеты.

Так как крестьяне не могли попасть в горы, то никто не делал ничего в горах, и год за годом деревья и травы здесь раз-

растались все пышнее, ходили стада животных и летали птицы, их можно было увидеть, проезжая мимо на машине. Дорога представляла собой горный серпантин, черный асфальт смотрелся неплохо, разве что дорога была слишком узкая и извилистая, прямо испытание мастерства водителя. Говорили, что существует тоннель напрямую сквозь горы и можно быстро добраться из отдела в отдел. Когда я второй раз был в отделе радиоперехвата, то спросил директора Цяня, нельзя ли мне проехать по этому тоннелю. Старик бросил на меня такой взгляд, словно с просьбой я переборщил, и никак не прореагировал.

Может, так оно и было.

Однако, говоря по правде, в процессе общения с людьми из подразделения 701 я четко ощущал, что у них были ко мне сложные чувства: с одной стороны, они боялись того, чтобы я с ними сближался, но в душе надеялись на это сближение. Трудно представить, как я завершил бы эту книгу, если бы у них был только страх. Точно не закончил бы.

Хорошо, что была надежда.

А еще хорошо, что каждый год был особый день – «день снятия секретности».

05

Должен сказать, что особый характер подразделения 701 проявлялся в разных аспектах, иногда он был такой «особен-

ный», что и представить трудно. Например, раз в году у них был специальный день, который люди, находившиеся внутри этой системы, называли «день снятия секретности».

Мы знали, что конечная цель работы подразделения 701 – это безопасность государства, но строго секретный характер самой профессии заставил их утратить даже самую базовую личную свободу. Они не могли свободно получать и отправлять письма, вся корреспонденция проверялась, и только после проверки можно было ее либо отослать, либо передать адресату для чтения. То есть получают ли твое письмо, зависело от того, что ты там написал, если твои слова казались подозрительными, то адресату было не суждено прочитать это письмо. Допустим даже, что он и смог бы сделать это, но лишь один раз, потому что вся корреспонденция сдавалась после прочтения в архив, ее нельзя было хранить у себя. Вдобавок, если ему посчастливилось все-таки получить письмо (вероятность этого была крайне мала, если только его не связывали родственные узы с автором письма), то он удивлялся бы, почему оно написано с использованием копировальной бумаги. На самом деле ничего странного, просто в организации должна была оставаться копия письма. В эпоху, когда еще не было копировальной техники, для того чтобы изготовить копию документа, без сомнения, лучшим приспособлением была копирка. Еще более немыслимым был тот факт, что, даже покидая подразделение, следовало отдавать все письменные материалы, включавшие и

личные дневниковые записи. Они также сдавались на хранение в архив до тех пор, пока полностью не рассеется секретность вокруг них, и только тогда их можно будет вернуть владельцу.

Тот особый день был у них «днем снятия секретности».

То был день, когда наружу выходили тайны прошлых времен.

Такой день не всегда существовал. Впервые его объявили в тысяча девятьсот девяносто четвертом году, а именно на третий год после моей встречи с двумя земляками. Это был год, когда директор Цянь покинул занимаемую должность и когда у меня появилась мысль написать эту книгу. Отсюда видно, что я принял такое решение не под влиянием случайной встречи с земляками, а из-за того, что стал свидетелем беспрецедентного «дня снятия секретности» в подразделении 701. Благодаря этому дню у меня появилась возможность попасть туда, в горы, в то самое ущелье. И благодаря этому дню ныне рассекреченные сотрудники подразделения 701 смогли дать мне интервью.

Не стоит и говорить о том, что без «дня снятия секретности» не стоило бы надеяться написать эту книгу.

Не важно, какой у меня был статус. Как я уже говорил, местные звали меня «репортер в черных очках». Мое имя –

Май Цзя, это я тоже уже упоминал. А также писал о том, что в жизни часто случаются внезапные встречи с какими-либо людьми или событиями. Я думаю, что некоторые встречи – всего лишь часть обычной жизни, своего рода форма, пережитой опыт, они интересны, но не более и не приносят в твою жизнь ничего особенного. Но некоторые встречи основательно меняют тебя. Сейчас я с горечью осознаю, что та встреча с земляками была как раз второго типа, она полностью изменила меня. Сейчас я считаю писательское творчество радостью – ради славы, трудностей, родителей, детей и всего остального. Я не считаю это положительным моментом, но у меня не было иного выхода. Это – моя судьба, которую я не выбирал.

Что касается этой книги, то мне кажется, она неплохая, в ней есть тайны, загадки, чувственные желания, классические и современные мотивы, а также горечь и безысходность судьбы. К сожалению, директор Цянь, который больше всех поддерживал мое стремление написать эту книгу, уже скончался и не увидел ее выхода в свет. Его смерть дала мне ощущение нереальности жизни. Она похожа на любовь – сегодня все прекрасно, а завтра уже все кончено, «курица улетела, а яйца разбились», ты остаешься ни с чем, жизнь превращается в смерть, любовь – в ненависть, всё – в ничто. Если издание этой книги может принести успокоение его душе, то это было бы самым большим моим желанием.

Эта книга посвящается директору Цяню и всем сотрудни-

кам подразделения 701!

Часть первая СЛУШАЮЩИЙ ВЕТЕР

С дарованным директором пропуском за пазухой в моем тайном путешествии я встречал доброе и почтительное отношение, почти на всех этапах я мог делать все, что угодно, а люди смотрели на меня другими глазами. И только удача, бесчувственная и нерациональная, игнорировала меня. Да, у меня был волшебный пропуск, но не было волшебной удачи.

Глава 1.

СЛЕПОЙ А БИН

Историю слепого А Бина рассказал мне один из моих двух земляков – директор Цянь, это было первое, что я услышал про подразделение 701. Директор Цянь был еще директором, когда рассказывал мне эту историю. То есть он был все еще «засекреченным сотрудником», до того как покинул свою должность. И, кроме того, в то время еще не существовало «дня снятия секретности», и даже сейчас его нет в списках рассекреченных. Согласно установленной практике, с руководящего звена секретность снималась спустя десять лет после того, как они уходили со своего поста, и если так считать, то лишь в следующем году настанет время рассекретить его. Поэтому я знаю о нем крайне мало, а то, что знаю, боюсь исказить. И это не вопрос смелости, а проблема элементарных знаний. Если человек путается в простейших сведениях, то это не называется смелостью, это – глупость.

Почему же тогда он осмелился до снятия секретности рассказать историю А Бина? По моему представлению, он к тому времени уже знал, что скоро будет утвержден «день снятия секретности», а А Бин будет в числе первых на рассекречивание. Фактически так и было. Когда говорят «талантливый и смелый» – это про него, он занимал высокую должность и смотрел далеко вперед. В то время он стоял над все-

ми в подразделении 701, и то, что он первым узнавал разные тайны, было нормально. Но, по моему мнению, это не было решающей причиной, по которой он столь поспешно рассказал мне историю А Бина, возможно, ее и не было во-все. Вероятных причин было две: во-первых, он лично был в курсе всей истории и, естественно, был самым авторитетным рассказчиком, во-вторых, мне кажется, у него было нехорошее предчувствие по поводу продолжительности своей жизни, он боялся, что внезапно попрощается и уйдет, поэтому у него и появился план «рассказать все пораньше». В итоге он и правда ушел неожиданно: вечером все еще было нормально, разговаривал по телефону, вспоминал прошлые дела, а потом лег спать, закрыл глаза и уже больше не просыпался. Сейчас, когда я рассказываю эту историю, у меня возникает чувство, что я общаюсь с его духом.

Ниже я привожу запись устного рассказа реальной истории, поведенной стариком.

01

Мои покойные родители, бывшая и нынешняя жены, трое дочерей и зять – никто не знал, что я работал в спецподразделении 701. Это был мой секрет. Но прежде всего это была государственная тайна. У любой страны есть свои тайны, есть секретные организации, секретное оружие, секретное... Я хочу сказать, что есть много секретов. Трудно представить,

как жила бы страна, у которой нет тайн. Возможно, ее и не было бы, как не было бы айсберга без его скрытой, подводной части. Иногда я думаю, что несправедливо иметь тайну от своих родных на протяжении нескольких десятков лет, а то и всей жизни, но без этого наша страна, скорее всего, перестала бы существовать или же как минимум была бы такая опасность. Так пусть уж будет несправедливость.

Тайна – это не что-то постыдное. За всю свою засекреченную жизнь я не совершил ни одного неприглядного поступка. Мое подразделение, как вы знаете, это не какая-нибудь террористическая организация, а важная разведывательная служба, отвечавшая главным образом за радиоперехват и дешифровку. Следует отметить, что любая страна и армия имеют подобные органы, поэтому их тайное существование на самом деле известно всем. По-настоящему секретным было их географическое положение, личный состав, методы работы, трудности и успехи. Все это, хоть убей, не расскажу, потому что оно намного важнее моей жизни.

В нашем подразделении 701 таких людей, как А Бин, занимавшихся радиоперехватом, называли «слушающими ветер». Они зарабатывали на жизнь ушами, уши – это их оружие, их кусок хлеба и их история. Разумеется, будучи специальным органом, занимающимся прослушиванием и радиоперехватом, подразделение 701 собрало множество людей, обладавших особыми слуховыми способностями, они могли слышать и распознавать тончайшие нюансы, недоступные

уху обычного человека. Поэтому их уши часто с уважением называли «уши попутного ветра». Он следовали за ветром – куда он дул, туда и поворачивались, от них не ускользал ни один звук, они знали все. Однако в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году наши «уши попутного ветра» друг за другом закрыл противник и они все превратились в глухих.

Дело было так. Весной того года внезапно на пятьдесят два часа замолчали радиосистемы всех высших органов Советской армии, за прослушивание которых мы отвечали. В таких огромных границах в течение столь длительного времени все без исключения многочисленные радиостанции хранили молчание. Это произошло впервые в истории всемирной радиосвязи. Если этого потребовала военная стратегия, то такой план был неслыханным, чем называть это военной стратегией, лучше сказать просто – сумасшествие. Сами посудите, за эти пятьдесят два часа сколько важнейших событий могло произойти? Да все что угодно! Поэтому такой ход противника был совершенным безумием!

Однако на этот раз результатом их безумия стала победа, в безмолвии прошли 52 часа, и ничего не случилось. Это была первая их победа, можно сказать, большая удача. Была еще вторая победа, в которой растворились наши кровные деньги. В течение этих пятидесяти двух часов они полностью сменили частоты, позывные и время связи на оборудовании разных армейских подразделений. Что это означало? Это значило, что с таким трудом собранные за десять с лиш-

ним лет все наработки для радиоперехвата, весь накопленный опыт и методы пошли прахом, превратившись в ноль. Таким образом, они откинули нас далеко назад, в одно мгновение весь наш кадровый состав, технологии, оборудование стали бесполезными, говоря нашим профессиональным языком, подразделение 701 «ослепло».

Представьте, насколько это было страшно в ту эпоху, когда в любой момент могла разразиться война!

02

Об этом событии доложили в вышестоящие инстанции, в итоге нам передали слова начальства: «Мы не любим воевать, но еще больше не любим пассивно терпеть удары».

Суть была предельно ясна: данную ситуацию следовало изменить.

Однако совершенно очевидно, что за короткое время подразделение 701 не смогло бы изменить положение, и, так как другого выхода не было, Генштаб был вынужден задействовать спецагентов, а именно привлечь сотрудников оперативного отдела. Однако риск таких разведданных был слишком велик, к тому же полученные таким образом сведения были ограничены, это был вынужденный шаг. Чтобы полностью переломить ситуацию, сотрудникам, занимавшимся радиоперехватом, требовалось отыскать пропавшие радиостанции противника, другого выхода не было. Для этого подразделе-

ние 701 временно учредило специальную канцелярию, ответственную за поиски одаренных сотрудников. Возглавил работу канцелярии лично главный начальник подразделения 701 директор Те, непосредственное руководство осуществлял начальник отдела радиоперехвата У, в подчинении у которого было семь человек. Одним из них был я, в то время я выполнял обязанности начальника второго управления отдела радиоперехвата.

С помощью штаб-квартиры мы получили от дружественной организации двадцать восемь талантливых специалистов, обладавших определенной известностью среди тех, кто занимался радиоперехватом. Из них была составлена «группа спецопераций», каждый день в бескрайнем море радиочастот они искали пропавшие радиостанции. Мы прилагали двойные усилия, однако результат не радовал и даже вызывал тревогу. Группа спецопераций, а также изначально служившие в подразделении 701 сотрудники отдела радиоперехвата двадцать четыре часа в сутки трудились в поте лица, но в течение недели смогли уловить звуки вражеских радиостанций всего лишь на сорока пяти частотах, и то они в мгновение ока исчезали.

Следует сказать, что армейские радиостанции отличаются от гражданских. Последние используют неизменные частоты, а частоты военных радиостанций меняются как минимум трижды в день: утром одна, днем другая, ночью, третья – три дня составляют цикл. Таким образом, самая простая воен-

ная радиостанция пользовалась самое малое девятью частотами (три дня по три раза). Обычно у них было от пятнадцати до двадцати одной частоты, а на отдельных особых радиостанциях цикл смены частот мог достигать месяца или даже года, а то они и вообще были бессрочными, их каналы не повторялись ни разу.

Насколько нам было известно, у противника насчитывалось более ста действующих радиостанций. Другими словами, нам надо было обнаружить звуки их ста радиостанций, чтобы более-менее всесторонне изучить положение в стане врага, чтобы высшее руководство смогло выработать правильный стратегический план. Если исходить из того, что обычная радиостанция использовала восемнадцать частот, то получалось, восемнадцать умножить на сто равно одна тысяча восемьсот частот нам надо было обнаружить. А сейчас прошла неделя, а мы нашли лишь сорок пять, что составляло всего два с половиной процента от необходимого количества. Если смотреть по этой ситуации, то нам потребовалось бы двадцать пять недель, то есть приблизительно полгода, чтобы восстановить привычный порядок радиоперехвата. А лимит времени, ограниченный для нас штаб-квартирой, составлял только три месяца.

Очевидно, мы столкнулись с суровой реальностью!

Звучит странно, но в одной организации он был крупным начальником, а я — мелким, мы должны были пересекаться, но этого не произошло, и это удивительно. Я имею в виду, что никогда раньше не встречался с нашим директором Те, лишь изредка случайно сталкивались пару раз, здоровались кивком головы и все. У меня было впечатление, что он высок ростом, крепкого телосложения, выглядел представительно, но с людьми обращался безразлично, с каменным лицом, был всегда серьезен, словно ушедший на покой воин. Все в нашем подразделении боялись его, опасались, что он может однажды взорваться, поэтому ему придумали кличку «Мина», что значило, что лучше его не трогать. В тот день я как раз разговаривал по телефону, когда он в крайнем возмущении ворвался в мой кабинет, без лишних слов подошел ко мне, вырвал трубку из рук и начал ругаться:

— Я уже полчаса вам звоню, а у вас все занято! Отвечайте: кому вы звоните? Если не по работе, то я сниму вас с должности!

Хорошо, что наш начальник У смог подтвердить, что звонил я по делу, да еще и связывался с сотрудниками отдела радиоперехвата, меня нельзя было ни в чем упрекнуть, иначе моя должность уплыла бы на небо. Из этого видно, что его прозвище Мина соответствовало действительности.

Успокоившись, начальник (директор Те) высказал сомнения в том, правильно ли мы подбираем талантливых сотрудников, он считал, что мы ищем лишь в определенном кругу, уже привлекли или сейчас привлекаем всего лишь выдающихся работников радиоперехвата, а подразделению 701 требуются люди с выдающимися слуховыми способностями, возможно гении. Он предложил хорошенько подумать, выйти за пределы нашего узкого круга, поискать среди людей, не связанных с разведкой, необходимые таланты.

Вопрос был в том, где их искать.

В определенном смысле это было сложнее, чем найти пропавшие радиостанции.

После такой необоснованной претензии казалось, что он совсем утратил разум. На самом деле это было не так. На самом деле он уже разузнал про одного человека, фамилия которого была Ло, когда-то он был настройщиком музыкальных инструментов в оркестре ЦК Гоминьдана, он настраивал пианино для самой Сун Мэйлин⁵, которая высоко его ценила и даже подарила свиток с каллиграфически написанными ею лично иероглифами «Треухий Ло». До Освобождения⁶ в Нанкине имя Ло было тесно связано с именем мадам Чан⁷, ходили даже сплетни об их романе. А после Освобождения

⁵ Сун Мэйлин (1897–2003) – супруга Чан Кайши, главы партии Гоминьдан в 1930-1960-х годах.

⁶ 1949 год.

⁷ Имеется в виду Сун Мэйлин.

он сменил имя на Ло Шань, переехал в Шанхай и сейчас работал преподавателем в Шанхайской консерватории. Перед уходом директор оставил начальнику нашего управления координаты для связи с этим человеком и специальный пропуск, лично подписанный главой штаб-квартиры (одним из известным руководителем), и потребовал немедленно послать людей, чтобы «пригласить» Ло Шаня в подразделение 701.

Я несколько лет работал в Шанхае, все там хорошо знал. Возможно, именно поэтому начальник возложил эту обязанность на меня.

04

С выданным директором пропуском за пазухой в моем тайном путешествии я встречал доброе и почтительное отношение, почти на всех этапах я мог делать все, что угодно, а люди смотрели на меня другими глазами. И только удача, бесчувственная и нерациональная, игнорировала меня. Да, у меня был волшебный пропуск, но не было волшебной удачи. Менее чем за полмесяца до моего прибытия в Шанхай человек, которого мне надо было привезти, Ло Шань, или Треухий Ло, этот негодяй, из-за любовной связи был заключен под стражу одним большим чиновником, чье имя было широко известно в музыкальных кругах Шанхая, – Ло обрюхатил его дочь!

Я подумал, что если дело обстоит именно так, то, возмож-

но, мой особый пропуск поможет изменить ситуацию. Проблема была в том, что за этим подлецом тянулся длинный шлейф Треухого Ло, и сейчас, естественно, это тоже всплыло. Старые и новые счета – похоже, он был уверен, что ему уже не выбраться, поэтому, чтобы обмануть судьбу, он выпрыгнул с третьего этажа тюрьмы.

Он родился в рубашке – не разбился насмерть, но почти ничем не отличался от мертвеца. Я сходил к нему в больницу. Кроме речи, во всем остальном это был ни на что не годный инвалид. По недержанию экскрементов было видно, что у него, вероятно, поврежден спинной мозг, не говоря уж о переломах ног и рук.

Я провел у его постели полчаса, обсуждая две вещи. Во-первых, я сказал ему, что раньше я мог изменить его судьбу, но сейчас это невозможно, так как из-за слишком тяжелых ран он больше не может быть нам полезен. А во-вторых, я расспросил его, нет ли среди его знакомых и друзей людей с таким же хорошим слухом, как у него.

Он все выслушал молча, не двигаясь, словно труп, и только когда я собрался уходить и начал с ним прощаться, он вдруг выкрикнул:

– Начальник! – а потом сказал мне: – Перейдите реку Хуанпу, дойдите до нефтеперерабатывающего завода, там будет приток Хуанпу, идите вдоль по нему вниз примерно пять ли⁸, там будет деревня Луцзянь, где находится тот, кто вам

⁸ Ли – китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.

нужен.

Я спросил, как его зовут. Мужчина это или женщина?

Он ответил, что это мужчина, но, как зовут, он и сам не знает, затем пояснил:

– Это неважно, приедете, спросите любого – его все знают.

05

Расположенная на берегу реки деревня Луцзянь казалась древнее Шанхая, дома в ней все были двухэтажными, с кирпичными крышами, а дороги – выложены одинаково сверкающими каменными плитами и булыжником. Было уже два часа пополудни, я шел по дорожке из каменных плит, ведущей из порта, и вскоре увидел возвышающийся, словно подмости, оголовок колодца, из которого в тот самый момент две женщины набирали воду для стирки. Я сбивчиво и неуверенно начал объяснять им, кого ищу, они же, казалось, сразу поняли, о ком идет речь. Та, что постарше, сказала:

– Того, кого вы ищете, зовут А Бин, у него очень острый слух, вполне вероятно, что он слышит, о чем мы с вами разговариваем. Сейчас он наверняка в Храме предков, идите туда и найдете его.

Она махнула рукой, показав мне направление. Я подумал, что она указывает на серый дом, находившийся прямо перед нами, но оказалось, что нет. Она снова показала рукой в том направлении:

– Смотрите! Вон то здание с двумя колоннами! Перед ним еще велорикша стоит!

Она указывала на восьмиугольный дом в конце переулка, до него было метров сто. Так далеко, а он может слышать, что мы говорим! Разве это человек? Это же прямо-таки новое американское прослушивающее устройство CR-60!

Внезапно это показалось мне загадочным.

Храм предков – древний и богатый религиозный центр деревни Луцзянь, украшенный загнутыми углами крыши, а на колоннах вырезаны попарно драконы и фениксы, львы и тигры. Их сделали в древности для красоты, а сейчас они являются свидетелями жизненных бурь. Глядя на виднеющиеся повсюду пятна, нетрудно было представить, что храм давно уже нуждается в ремонте, но в нем царил прежний дух, не вызывая ощущения упадка, просто в храме было слишком много посторонних, создававших хаос. Среди них были старики, женщины с детьми и некоторые инвалиды. Было видно, что храм превратился в общественное место, где собираются все бездельники деревни.

Я походил во внешнем зале храма, а потом вошел в главный зал, где за одним столом играли в «ладья – конь – пушка» – это вид китайских шахмат сянци, а за другим – в классические шахматы. Хотя я был одет просто и говорил на шанхайском диалекте на уровне достаточном, чтобы сойти за местного, тем не менее мое появление вызвало у них интерес. Я ходил по храму, поглядывал на них, силясь угадать,

кто же из них А Бин. Но ощущения были обманчивы. Тут слонялся одиннадцати-двенадцатилетний пацан с перебинтованной рукой, он обнаружил, что у меня на руке часы, и с любопытством ходил за мной хвостом, пытаясь разузнать все. Я снял их и дал ему посмотреть, а потом спросил, здесь ли А Бин. Тот ответил, что А Бин здесь, снаружи, и повел меня за собой, из любопытства спрашивая меня:

– А зачем вам А Бин?

– Говорят, у него очень острый слух, это верно?

– Вы и этого не знаете? Вы точно не из нашей деревни!

Когда я кивнул, мальчишка таинственно произнес:

– Вы ему не говорите, что вы не местный, посмотрим, сможет ли он это распознать. – Улыбнувшись, он добавил: – Только я думаю, что он сможет!

Он вышел во внешний храм, глянул по сторонам и повел меня к слепому, а потом громко сказал:

– А Бин, сейчас тебя проверим! Угадай, из чьей он семьи?

Этого слепого я за приметил, когда вошел в храм: он сидел на низенькой скамейке, с костылем в руке и глупой улыбкой на губах. Судя по всему, он не только слепой, но еще и идиот. Я и представить себе не мог, что человек, которого так рекомендовал мне Ло Шань, окажется таким – слепым и глупым. В этот момент, когда слепой услышал слова мальчика о проверке, как будто это было то, на что он давно надеялся, слепой тут же убрал глупую улыбку и стал внимательно ждать, когда я начну говорить. Этим он ввел меня в замеша-

тельство, я не знал, что делать, и растерялся.

– Говорите! Да, вы! Говорите скорее! – торопил меня пацан.

– Что говорить-то?

– Да что хотите!

Я помедлил, мальчик испуганно снова поторопил меня:

– Скорее! Скажите же что-нибудь скорее!

Мне показалось это неправильным – как будто мы сговорились обмануть слепого человека, поэтому медленно сказал:

– Здравствуйте... А Бин! Говорят, что ваш слух... очень острый... Я приехал, чтобы...

Я не договорил, как А Бин махнул руками со словами:

– Не наш! Он не из нашей деревни! – говорил он глухим голосом, который словно раздавался из ящика.

Говоря по правде, это не было для меня доказательством его удивительного слуха, ведь шанхайское наречие все-таки не было для меня родным, и хоть говорил я в общем так же, как и местные жители, но все-таки были небольшие отличия. Я даже подумал, что я сам, если бы закрыл глаза, вероятно, услышал бы, что А Бин и любой другой житель Луцзянь являются жителями не самого Шанхая, а деревни. Это одно и то же. Неужели это и есть все его способности? Как раз когда я находился в сомнении, мальчик усугубил ситуацию, доставив мне неприятности. Как я заметил, он был шаловливый пацан и решил пошутить над А Бином – сказать ему, что он

ошибся:

– Ха-ха-ха, А Бин, ты ошибся, он из нашей деревни!

– Невозможно!

– Почему? Он – мой дядя, работающий в Пекине.

– Невозможно! – сейчас А Бин отрицал с еще большей решимостью, да еще и начал сердиться, с каждой секундой все сильнее, заскрежетал зубами и в итоге, как сумасшедший, забился в припадке: – Невозможно! Никак невозможно! Ты – врун! Обманщик! Обманщик! Ты... ты... все из твоей семьи... Все – обманщики!!! Все нехорошие люди! Все – обманщики! Вруны! Вруны!

Он ругался и ругался, его лицо побледнело и посерело, он бился в конвульсиях, словно в припадке эпилепсии.

Нас окружили подошедшие люди, один пожилой мужчина, выглядевший как городской житель, принялся успокаивать его, как утихомиривают маленьких детей. А одна женщина сделала вид, что сейчас даст пощечину пацану, а сама подала ему знак извиниться перед А Бином, что тот и выполнил без особого желания. Только таким образом А Бина с трудом успокоили.

Для меня все это было слишком странным. Если только что я смотрел на него как на идиота, то сейчас он сделал идиота из меня. Всего за несколько минут я увидел, что он похож и на ребенка, и на сумасшедшего, что он смешной и жалкий, бесцеремонный и ранимый.

Это было одновременно нелепо и загадочно.

Наш мир иногда бывает очень мал. Тот пожилой мужчина, который походил на городского жителя, оказывается, был сослуживцем Ло Шаня, несколько лет назад он уволился и вернулся на родину. Не стоит и говорить, что именно благодаря ему Ло Шань познакомился с А Бином.

Он рассказал мне, что А Бин – странный человек. Он родился умственно неполноценным, в три года еще не ходил, а в пять не умел говорить «мама». Однажды, когда ему было пять лет, у него поднялась температура, в забытии он провел три дня и три ночи, а когда очнулся, вдруг открыл рот и заговорил, вот только зрение пропало, и никакие средства не смогли его вернуть. Самым странным было то, что, хоть он и был слепым, казалось, что знает он гораздо больше, чем зрячие жители деревни. Он знал о набеге саранчи на посевы, о том, как глубокой ночью в деревню проник вор, у чьей жены есть любовник, и даже ведал, фундамент какого из домов оседает в месте, невидимом для глаза. Все это из-за того, что у него был острый и тонкий, удивительный слух. Если в деревне что-то происходило, даже если никто не видел, А Бин первым узнавал об этом благодаря своему слуху. Некоторые говорили, что это потому, что он слушает ветер, при малейшем дуновении звуки вместе с ветром слетаются к нему в уши. А другие считали, что каждая пора у него на теле – это

уши, потому что они обнаружили, что даже если он закрывал уши, то все равно слышал намного лучше, чем другие. Можно утверждать, что уши у А Бина были необычные, и хотя он был слеп на оба глаза, благодаря ушам мог распознавать все на слух.

Пожилой мужчина сказал, что из-за удивительного слуха А Бина он прекрасно подходит для работы настройщика музыкальных инструментов, поэтому он и познакомил Ло Шаня с ним, чтобы тот взял его в ученики и дал возможность заработать на чашку риса. Но Ло Шань, увидев А Бина (слепого и неумного), решительно отказался от этой идеи, хотя и мать А Бина, и односельчане упрашивали его. Старик считал Ло Шаня эгоистичным, узнав о его судьбе (я ему рассказал), он не злорадствовал, но и не показал ни печали, ни сочувствия.

Пока я разговаривал со стариком, кто-то с ребенком на руках подошел, чтобы тоже «проверить» А Бина. Малышу было чуть больше года, и он еще не разговаривал, а мог сказать лишь «дядя», «тетя» и все. По его одежде было видно, что он не из этой деревни, да и слова он произносил на нормативном китайском⁹. Пришедший поставил ребенка на ноги и попросил сказать «Дядя А Бин!», а А Бину предложил разгадать, чей это ребенок. После того как малыш, как попу-

⁹ Нормативный китайский язык (или путунхуа) – официальный язык в Китайской Народной Республике, что закреплено в Конституции КНР. Он основан на пекинском диалекте.

гай, повторил «Дядя А Бин!», он ухватился за костыль слепого и залепетал что-то, пытаясь его отобрать, чтобы поиграть. В этот момент А Бин, ни секунды не колеблясь, сказал:

– Это ребенок Гуань Линя. Мальчик. Я не ошибаюсь. Гуань Линь уехал уже девять лет, два месяца и двенадцать дней назад, служит в Фучжоу, за время службы он приезжал четыре раза, в последний раз был в позапрошлом году на праздник Дуаньу¹⁰ вместе со своей женой. Она говорила со мной, я помню, что она была северянка. Голос этого ребенка похож на материнский – такой же чистый и немного твердый.

Хотя голос его звучал по-прежнему глухо, но он больше не нервничал, не заикался, казалось, что он читает текст на-

¹⁰ Праздник Дуаньу (Праздник «двойной пятерки», праздник драконьих лодок) – традиционный китайский праздник. Отмечается в пятый день пятого месяца по лунному календарю. Происхождение праздника связано с именем великого поэта древности Цюй Юаня (340? -278 гг. до н. э.), который считается одним из первых (и даже родоначальником) авторской поэзии. Цюй Юань занимал высокий пост советника при князе Хуай-ване. Однако он пал жертвой придворных интриг, был оклеветан и удален из столицы в северные районы. Издалека он с горестью наблюдал за тем, как страна терпит поражение от Цинь, с печалью узнал весть о гибели Хуай-вана в циньском плену. Вскоре и столица Чу была захвачена врагами. Цюй Юань, остро переживавший происходящее, не в силах пережить позор и желая своей смертью привлечь внимание к положению в стране, покончил с собой, бросившись в воды реки Мило. Произошло это в пятый день пятого месяца по лунному календарю. По легенде, люди, узнав о случившемся, пришли на берег реки. Рыбаки на лодках пытались найти его тело, а люди на берегу бросали в реку рис и другие продукты, чтобы рыбы отвлеклись и не трогали тело поэта. С тех пор в Китае существует традиция в этот день устраивать гонки на драконьих лодках и есть цзунцзы, которые готовятся в основном на пару из рисовой начинки (клеякого риса) и заворачиваются в листья тростника или бамбука.

изусть или как будто говорит робот, словно слова сами полились из него, стоило только открыть рот.

Старик рассказал мне, что Луцзянь – деревня, известная на несколько десятков ли вокруг, у них больше трехсот дворов, взрослых и детей насчитывается около двух тысяч человек, и в деревне у них нет никого, кто мог бы запомнить имена и фамилии всех проживающих в ней. И лишь А Бин, неважно, кто перед ним – взрослый человек или ребенок, деревенский или живущий в городе, если только ты из этой местности или твои родители живут или жили здесь, мог, перебросившись с тобой парой фраз, определить по голосу, из чьей ты семьи, кто твой отец, сколько сестер-братьев, какой ты по счету среди детей, что у вас происходило в семье и так далее. Так или иначе, он прекрасно разбирался в важных и не очень, хороших и плохих делах любой семьи без исключений, а ошибки были крайне редки. Давешний ребенок на самом деле жил в гарнизоне и сейчас первый раз приехал в деревню, но А Бин слышал о нем все.

Я был крайне поражен!

Я подумал, что этот слепой и глуповатый А Бин – удивительная личность. Он обладает поразительным слухом и потрясающей памятью, несомненно, он – тот, кого я ищу. В деревне не было телефона, и тем же вечером я поспешил в город, чтобы позвонить начальнику и доложить об А Бине и о ситуации с Ло Шанем. Тот, кого мы искали, оказался негодным, а тот, кто нам нужен – слепой и умственно неполноцен-

ный. Мой начальник все колебался, в итоге передал трубку директору. Тот выслушал доклад и сказал мне:

– Есть такая поговорка: «Из десяти талантов девять – глупы, а из десяти глупцов один – талант». Судя по твоим словам, этот человек, вероятно, как раз-таки тот самый один талант среди глупцов. Привози его!

07

На следующее утро я снова отправился в Луцзянь. Подумав о вчерашних мучениях в дороге и о том, что сегодня мне предстоит еще везти слепого, я специально арендовал яхту.

Яхта ждала меня в порту.

Я второй раз ступил на землю деревни Луцзянь, в которой дома словно наползали друг на друга.

Недалеко от Храма предков располагался дом с внутренним двориком и галереей, перед воротами которого было семь ступеней, внутри жили по меньшей мере семь или восемь семей. Жители деревни рассказали мне, что однажды тридцать лет назад здесь останавливался некий отряд, они пришли глубокой ночью и ушли на рассвете, и никто не знал, к какому войску они относились. Но все были в курсе того, что один из них обидел или обманул дочку портного. Через десять месяцев она, будучи не замужем, стала несчастной матерью. Сегодня, спустя тридцать лет, из-за одной из раскрытых дверей по-прежнему доносился стрекот работающей

швейной машинки, и в этой комнате мать А Бина встретила меня. Она была, по общему мнению, лучшей портнихой деревни и самой несчастной из женщин: всю жизнь живя со своим слепым и глуповатым сыном, она никогда не смеялась по-настоящему. На ее лице, выражавшем печаль и безысходность, я прочел все удары и невзгоды, которые судьба денно и ночно обрушивает на одного человека. Ей не было и пятидесяти, но мне она показалась семидесятилетней старухой. Благодаря своему мастерству, передающемуся из поколения в поколение, они с сыном могли не беспокоиться по поводу одежды и еды, но и только.

Сначала она думала, что я пришел к ней, чтобы сшить одежду, и только когда я сказал, что приехал к А Бину, поняла, что я не из этой деревни. Потому что все в деревне знали, что в первой половине дня А Бина не может быть дома. Из-за слишком хорошего слуха каждую ночь, когда вся деревня погружалась в сон, А Бин испытывал мучения из-за «звуков тишины» и не мог уснуть. Чтобы выспаться, он уходил в тутовую рощу за околицей и в деревню возвращался лишь к полудню. Старик, присматривавший за тутовой рощей, был двоюродным братом матери А Бина, он каждый раз подготавливал связку тутовых веток, чтобы А Бин отнес их домой. Это был хворост, на котором они с матерью готовили еду, и единственный посильный труд ей в помощь. В тот день я неожиданно позвал его, и в спешке он забыл взять хворост. Через час он вместе со мной поднялся на борт яхты, и когда

мы только отчалили, он, словно внезапно вспомнив что-то, в крайнем возбуждении начал кричать в сторону причала:

– Мама! Я сегодня забыл... забыл принести тебе хворост... Что, что делать?..

Яхта была еще близко от берега, я успел вытащить двадцать юаней, засунул их в портсигар и бросил его на берег.

А Бин, услышав, что я сделал, был тронут до слез и произнес:

– Вы – хороший человек.

После этого я понял, что А Бин не глуп, он просто не такой, как все.

Говоря по правде, в тот день пришло несколько десятков молодых и старых мужчин и женщин, они провожали нас с А Бином до самого причала. Увидев, что яхта отходит, они наконец поверили, что я их не обманываю, а правда увожу с собой А Бина (чтобы сделать из него настройщика музыкальных инструментов). Я думаю, они считали, что я такой же умственно отсталый, как и он, либо же большой подлец. В деревне люди поговаривали, что если кости какого-то человека высушить и растолочь для приготовления лекарства, то им можно будет лечить похожих людей. Другими словами, если из костей А Бина сделать лекарство, то можно вылечить толпу таких же, как он, глупцов и превратить их в умных людей. А я, возможно, как раз и есть тот подлец, который собирается использовать кости А Бина.

Как бы там ни было, думаю, что жители деревни даже и

не догадывались, что А Бин, которого они считали дураком, станет потрясающим героем.

08

Хотя и директор Те, и мой начальник У знали о врожденном дефекте А Бина и были морально подготовлены, однако, когда он лично предстал перед ними, они были расстроены.

Из-за тяжелого пути А Бин не сомкнул глаз. Да и как он мог уснуть под гомон людей? Одежда выглядела грязной и пребывала в беспорядке, мышцы лица словно парализовало из-за нервного возбуждения, к тому же его искалеченные глаза и в обычное время выглядели уродливыми. В тот момент вид А Бина действительно был ужасен. Он казался столь неряшливым, мрачным и странным, насколько это возможно.

Прямо смотреть невозможно!

Что касается меня, то я больше всего боялся, что его чудесный слух после прибытия в подразделение 701 уже не будет таким острым. Поэтому я его заранее несколько раз предупредил: в нужный момент – когда появятся начальники – обязательно надо «показать им свой талант». Потом оказалось, что я перемудрил с этим своим указанием, потому что А Бин, считавший меня хорошим человеком и безропотно слушавший, после таких моих слов потом при любом удобном случае не забывал «показывать талант». В резуль-

тате, когда кто-то приходил и начинал разговор, неважно, с ним ли, он полагал, что люди «испытывают» его. Поэтому невозможно было поддерживать нормальный разговор, было слышно лишь, как он направо и налево «сдает экзамен»:

– Вы – пожилой человек, как минимум лет шестидесяти, вероятно, каждый день выпиваете...

– Вы – заядлый курильщик, даже голос кажется закопченным...

– А вы – все тот же пожилой человек...

– Хм... А вы довольно молоды, самое большее – тридцать лет, но язык коротковат...

– А вы, кажется, тренировали горло: ваш голос летает, словно воздушный змей...

– О, а вы тот самый курильщик...

Во время разговора раздался лай двух собак. А Бин тут же замолчал, он старательно и изо всех сил напряженно вслушивался, казалось, что его уши незаметно шевелятся. Вскоре он глуповато рассмеялся:

– Осмелюсь предположить, что эти две собаки – суки, одна из них старая, по меньшей мере лет семь-восемь, а другая – ее дочь, ей нет еще и двух лет.

Собак держал директор ведомственной гостиницы для охраны, сейчас он стоял рядом с начальником, тот повернулся и спросил:

– Это правда?

– И да и нет, маленький – кобель.

А Бин покраснел, вышел из себя и закричал:

– Это невозможно! Никак невозможно! Вы... обманываете меня! Вы... плохой человек! Шу... шутите надо мной, потому что я слепой! Вы... что вы за человек! Вы... вы плохой! – Он задыхался от злости и выглядел так, как тогда в Луцзянь.

Я тут же подошел к нему и начал успокаивать, одновременно ругая директора гостиницы, в итоге кое-как успокоил слепого. После этого я подал знак, и все вышли на улицу. Директор шел и ворчал, что та собака с момента рождения у него перед глазами, что же он, не различит, сука это или кобель? Но когда мы вышли и увидели этих двух собак, директор остолбенел. Оказалось, что той, о которой он говорил, во дворе не было! Из двух собак лишь одна была из его гостиницы, а вторая – из столовой! И она оказалась сукой, из одного помета с гостиничной!

От этих слов директора все опешили.

После этого начальник похлопал меня по плечу со словами:

– Судя по всему, ты привез к нам настоящее сокровище! – Он обернулся и приказным тоном сказал директору: – Организуйте ему проживание и питание как кадровому сотруднику и найдите ему темные очки. Я зайду вечером.

Тем же вечером начальник отдела лично привел других начальников, они принесли с собой двадцать магнитофонов и коды азбуки Морзе, затем расположились в конференц-зале, чтобы устроить А Бину профессиональное испытание слуха. Способ был такой: сначала ему дали прослушать сигнал и время для его запоминания, а затем – двадцать разных сигналов для распознавания, чтобы А Бин узнал среди них тот самый, первый сигнал. Как будто перед А Бином сидели двадцать человек примерно одного возраста и с похожим произношением, например, все – молодые люди двадцати лет из одной местности, потом просили Чжана заговорить с А Бином, а затем все двадцать человек, включая Чжана, по очереди обращались к нему, и надо было посмотреть, сможет ли он вычленить из этой толпы Чжана.

Естественно, если бы все эти двадцать человек были китайцами, говорящими по-китайски, я был бы стопроцентно уверен в А Бине. Но сейчас ситуация отличалась, потому что он ничего не смыслил в азбуке Морзе, может, даже и не слышал о ней, как если бы те двадцать человек были иностранцами. По моему мнению, сложность задания была велика. К тому же в реальности проблема была еще сложнее и запутаннее, ведь, как ни крути, на иностранном языке говорили люди, а звуки, издаваемые людьми, естественно, имеют мно-

го общего. С собаками то же самое. В деревне Луцзянь А Бин узнавал о появлении вора по изменившемуся лаю. Таким образом, он очень хорошо разбирался в оттенках лая. А электрические волны для него были запредельными, он их и представить не мог, не говоря уж о том, чтобы иметь с ними дело. Поэтому я довольно пессимистично смотрел на сегодняшние испытания и полагал, что они несколько выходят за рамки.

Но А Бин действительно был волшебником!

Возможно, жизнь необычных людей складывается как раз из необычных и удивительных вещей, которые нам кажутся абсурдными, и мы боимся, что они не смогут выполнить что-либо фантастическое. Это словно нищий боится, что богатч не сможет купить у него драгоценность, а на самом деле полон пустых страхов. В то же время это становится непосредственным доказательством того, что сейчас ты не являешься и в будущем вряд ли станешь необычным или богатым человеком.

Процесс испытания был сложным, но результат прост: А Бин победил! Это была полная и безоговорочная победа, а не победа в одном раунде или в трех из пяти. И не в пяти из пяти, а в десяти из десяти. В процессе проверки А Бин непрерывно курил, а кроме этого, у него не было никакой необычной опоры или магии.

Условия испытания были сложные, но нельзя не сказать следующее. Возможно, вы знаете, что азбука Морзе – это

международный телеграфный язык. Открытые коды и шифровки все передаются с ее помощью, каждая запись переводилась в телеграфный код, состоявший из нескольких групп, а каждая группа образовывалась из четырех арабских цифр. Учитывая то, что А Бин ничего не знал о телеграфных кодах, во время первого испытания ему сначала дали прослушать код из десяти групп. Времени на это выделили полминуты. Это было так называемое «прослушивание образца», если за это время его не запомнить, то потом невозможно будет распознать среди разных других сигналов. После прослушивания сотрудники в хаотичном порядке по очереди начали включать восемь магнитофонов, из которых шли восемь разных сигналов по десять групп кодов. А Бин прослушал их, отрицательно качая головой. Девятым была та запись, которую он только что прослушал, код также состоял из десяти групп, но уже на четвертой А Бин решительно затушил окурок со словами:

– Это он!

И правда, это был тот самый код.

А Бин победил в первом раунде.

Следующий раунд по порядку проведения и содержанию был похож на предыдущий, сократилось лишь количество групп в коде. Например, код образца во втором раунде состоял из девяти групп, в следующем сократился еще на один, и так к десятому разу остался лишь код из одной группы. Естественно, вместе с сокращением количества групп в коде

образца уменьшалось и время прослушивания, что увеличивало сложность для распознавания. Но для А Бина, казалось, это было совсем не трудно, а просто. С первого и до последнего раунда ничто не вызвало у него затруднения, не говоря уж о совершении ошибок. Их не было. Самым коротким получился пятый раунд. Едва прослушав первую группу кода, он хлопнул в ладоши и крикнул:

– Всё! Это он!

В тот вечер все присутствовавшие при этом почувствовали ни с чем не сравнимое ошеломление и воодушевление!

10

Единой мечтой всех сотрудников подразделения 701 было стремление к победе.

Учитывая уже имеющийся выдающийся талант А Бина, наш начальник У предложил главному начальнику сразу перевести А Бина на настоящую работу по радиоперехвату, и это предложение было одобрено всеми присутствующими. Оно поддерживалось весомыми причинами, из которых главными были три.

Первое. Хотя А Бин не знал кода Морзе, вечерние события показали, что это не имеет значения, он все равно мог отбросить фальшивые и выбрать единственно верный код, отобрать один из ста. И если сначала надо его учить азбуке Морзе, а лишь потом сажать за радиоаппарат вести реальное

прослушивание, то это уже не будет талант А Бин.

Второе. В системе связи какой-либо страны или армии, как бы она ни менялась, всегда будут присутствовать, в большей или меньшей степени, определенные характерные особенности и общие свойства. Сейчас мы уже обнаружили пятьдесят с лишним частот противника (за несколько дней прибавилось каких-то несколько жалких частот), можно сказать, что мы уже обладали определенным количеством образцов. И хотя звуки этих частот не полностью совпадают со звуками неизвестных вражеских радиостанций, но даже обычный человек смог бы услышать эти отличия, а уж А Бин, который различает кровное родство двух собак, а также их половую принадлежность, обязательно сможет, мы могли быть в этом совершенно уверены, найти среди различий по мельчайшим деталям общие свойства и совпадения.

Третье. То, что А Бин не умеет управляться с прослушивающим аппаратом, вообще не является проблемой. Мы могли выделить ему в помощь одного или даже нескольких лучших сотрудников отдела радиоперехвата, которые могли бы решить конкретные проблемы, возникающие в реальной работе. Фактически у А Бина самое удивительное – это его уши, их и надо было использовать.

Из всех заинтересованных лиц я единственный был против. Но начальник У и другие сторонники говорили так убедительно, что даже меня чуть не убедили в своей правоте. Но из осторожности я все-таки высказал свои контраргументы.

Я сказал:

– Вероятно, я лучше всех понимаю А Бина. Кто он? Он – гений, странный человек. В чем его гениальность и странность? Нетрудно было заметить, что он кажется то гениальным, то умственно отсталым, и эти две его ипостаси хорошо заметны и неоспоримы. Я полагаю, что отсутствие нормального интеллекта и способности к умозаключениям – это основная особенность его слабоумия. В обычной жизни его метод и результат распознавания вещей просты, к тому же опознанные им вещи не меняются и не вызывают сомнений. Поэтому его вера в себя велика. Но в то же время он очень хрупок, нестабилен, не выдерживает ни малейших сомнений или слов против. Если у вас с ним произойдет противостояние, то, кроме рева, приносящего страдания ему же самому, у него нет другого пространства для сопротивления или маневра. Вы это все прочувствовали сегодня, а я в этом убедился за те несколько дней, что мы контактировали. Пожалуйста, поверьте моим ощущениям, хрупкость А Бина и его талант – выдающиеся, ни с чем не сравнимые, он похож на прозрачную, сверкающую стеклянную посуду, которая не выдержит никакого удара и может разбиться, если ее толкнуть. Это первое, что я хотел сказать.

Во-вторых, судя по тому, как А Бин себя зарекомендовал, у нас есть все основания полагать, что если сейчас его посадить за аппарат радиоперехвата, то это вряд ли повлияет на развитие его таланта. У него нетрадиционный подход, если

он возьмется за дело, то, возможно, одержит удивительную победу, к тому же вероятность этого велика. Но я полагаю, что просто «возможно» и даже «большая вероятность» – это не то, что нужно. Нам нужны сто процентов! Потому что если что-то пойдет не так, то поражение будет тоже стопроцентным. Как вы только что говорили, мы не можем относиться к А Бину как к обычному человеку. Если бы он был обычным, да еще и с таким талантом, а у нас присутствует стремление победить, нам следовало бы вот так слепо дать ему попробовать. Если бы все получилось, отлично. Не получилось, можно продолжить его тренировать, а потом снова взяться за дело. Проблема в том, что он – не обычный человек, мы не можем дать ему попробовать, рисковать, потому что если что-то пойдет не так, то у А Бина начнет испытывать ужас и отвращение к радиоперехвату, и его невозможно будет ликвидировать. Возможно, что, услышав радиопозывные, он будет издавать свой рык, начнет дрожать и будет вести себя как сумасшедший. И, таким образом, его талант, талантливая сторона станет для нашего подразделения 701 непригодна. Кто может со стопроцентной уверенностью сказать, что, если его посадить за аппарат, он своим нетрадиционным способом в кратчайшие сроки выявит вражеские радиостанции? Кто может сказать, на сколько дней хватит его терпения? На один день? На два? А может быть, на полдня или даже на два часа? Поэтому я предлагаю все-таки немного подождать, дать ему время потренироваться, позво-

лить ему участвовать в реальных операциях только в условиях стопроцентной уверенности...

Мой голос – его отзвуки – тихо плавал по залу собрания, все молча ждали решения начальника. Он встал под пристальными взглядами окружающих, медленно подошел ко мне, потом размеренно сказал:

– Я вам верю, вверяю его вам! С этого момента вы можете использовать любое оборудование и людские ресурсы нашего подразделения 701, лишь бы это шло на пользу его обучению.

– Сколько времени вы мне даете?

– А сколько нужно?

Я задумался:

– Полмесяца.

Стиснув зубы, начальник ответил:

– У нас нет этого времени, даю вам неделю! Через неделю вы должны привести его в аппаратную, и чтоб не было ни одной ошибки. Говоря вашими же словами, «на сто процентов без риска»!

11

Одна неделя – это семь дней.

Семь дней – это сто шестьдесят восемь часов.

Если вычесть время, необходимое для сна, сколько останется? Когда я учился радиоперехвату, то мы занимались во-

семь месяцев, это более двух тысяч часов занятий, большинство наших сотрудников тренировались в таком же режиме. Была у нас одна северянка по фамилии Линь, поначалу она была просто операционисткой в штабе перехвата, но через месяц работы запомнила голоса всех сотрудников подразделения 701. С таким талантом следует работать в отделе радиоперехвата. За три месяца до нашего выпуска она стала членом нашей группы. Инструкторы не верили, что она сможет закончить вместе с нами вовремя, но ко времени окончания ее успехи были намного лучше, чем у остальных обучающихся, в особенности скорость записи кода Морзе (это был наш основной предмет) намного превосходила результаты других и достигала двухсот двадцати четырех знаков в минуту, что было в два раза выше среднего результата нашей группы. Через год на соревнованиях по коду Морзе она стала абсолютной чемпионкой с результатом двести шестьдесят один знак в минуту, и в системе ее уважительно называли «Гениальный полководец императорского войска».

Я это к тому говорю, что ни при каких условиях за неделю невозможно выучить мастера радиоперехвата, и пусть даже талант А Бина в десять раз превосходит «полководца Линь», все равно недели совершенно недостаточно. Но я не мог добавить времени, да и никто не мог. Поэтому я подумал, что единственным выходом будет «схалтурить». Не ставить себе целью сделать из него отвечающего всем стандартам специалиста, а в эти кратчайшие сроки влить в него как можно

больше необходимых вещей, например код Морзе как минимум. Он должен его понимать, а кроме того, он должен непрерывно слушать сигналы уже найденных вражеских радиостанций и различать их особенности и знать отличия. Первое – общие знания, второе – ощущения, и то и другое должно быть в наличии, тогда для него не будет непонятной работа за перехватывающим устройством. Это единственный выход. И даже так семь дней – это было впритык.

Один день.

Два дня.

Три дня.

Во второй половине четвертого дня я явился в кабинет начальства с докладом о том, как продвигается обучение А Бина. Я сказал, что уровень, которого сейчас достиг А Бин, в каких-то аспектах уже не ниже, чем у Линь. Начальник попросил меня повторить только что сказанное.

– Убедитесь воочию, – сказал я, – вам следует вместе с директором пойти взглянуть.

Начальник схватил телефонную трубку и сразу же доложил директору. Тот выслушал, но решил, что ослышался, и попросил начальника повторить еще раз. Тот еще раз передал ему мое предложение пойти и самим взглянуть:

– Убедитесь воочию! Если у вас есть время, можно сходить и самим посмотреть.

Все тот же зал собраний, что и несколько дней назад.

Если кто-нибудь когда-нибудь спросит, где обучался А Бин, ответом будет: вот этот невзрачный зал.

Чтобы у начальника и директора не было никаких сомнений и подозрений, я выключил все магнитофоны и предложил начальнику самому выбрать код как минимум из восьми групп цифр. Потом я попросил телеграфиста передать сообщение, состоящее из выбранных начальником кодов, со скоростью сто знаков в минуту.

– Тук-тук-так, тук-тук-тук-так-так, тук-тук-тук-так...

После того как он закончил набивать код, мы все устались на А Бина, который сидел с бесстрастным лицом, казалось, что он спит.

Начальник в растерянности взглянул на меня, потом на А Бина, его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать. Я поспешно подал знак молчать. И в этот момент А Бин, как будто встревоженный моим безмолвным жестом, очнулся, вздохнул и звонким голосом продекламировал код из восьми групп.

Тридцать две цифры.

Не упустил ни одной группы.

Не ошибся ни в одном знаке.

Все точно, как в изначальном сообщении!

Обычно писать код получается намного медленнее, чем его слушать, так как надо записывать и одновременно слушать, не успевая при этом записывать, поэтому часть надо запоминать, в нашей профессии это называется «сжатие информационных данных». Во время соревнования первоклассных радистов, записывающих коды, на самом деле они состязаются в том, у кого лучше техника «сжатия информационных данных». Кто может запомнить больше, тот и побеждает. Я помню, что тогда на соревнованиях Линь могла запомнить восемь групп. Хотя из-за разной скорости обе стороны не могли быть полностью одинаковы, но из увиденного нетрудно было сделать вывод, какого уровня достиг уже А Бин в освоении кода Морзе. В общем, хотя время, отпущенное на обучение, еще не дошло до половины, А Бин уже в совершенстве освоил все, что надо было выучить, и сделал это идеально. Настолько идеально, что казалось нереальным.

Через час я вместе с А Бином пришел во двор организации, в небольшом европейском здании политаппарата должна была проводиться церемония приведения к присяге А Бина, добровольно вступающего в особое подразделение 701. Сама церемония была торжественной, а для него еще и загадочной. Перед лицом всех этих «требований» и «обещаний» А Бин решил, что его в ближайшем будущем отправят на затянутое пороховым дымом поле боя, возбуждение смешалось в его душе с ужасом, которые достигли наивысшей степени. В конце начальник отдела, отвечавшего за присягу,

спросил его, есть ли у него какие-либо требования к организации, и А Бин «мужественно» выдвинул два.

Первое – если он больше не сможет вернуться домой (в Луцзянь), пусть организация надлежащим образом решит вопрос «доставки хвороста» его матери.

Второе – если он погибнет (сражаясь на поле боя), ни в коем случае не отрезать его уши для исследования.

И смех и грех!

Но это, будучи требованием волонтера подразделения 701, составляло часть церемонии, организация должна была дать ему торжественное обещание и сделать соответствующую запись в протокол.

После присяги стороны должны были подписать три документа. Учитывая тот факт, что А Бин не умел писать, было решено, что он поставит отпечаток пальца, а я за него распишусь. Только в этот момент я вспомнил, что надо спросить его настоящее имя и фамилию. Ответ был: «Нету».

– Меня зовут А Бин, – сказал он, – нет другого имени.

Но я точно знал: невозможно, чтобы его реальным именем было А Бин, потому что это было имя известного слепца, того, который играл на эрху¹¹, «словно плакал», и который известен мелодией «Луна над источником»¹². Благодаря ему

¹¹ Эрху – старинный китайский двухструнный смычковый инструмент.

¹² Мелодия, написанная специально для исполнения на эрху. Ее автор – известный слепой музыкант Хуа Яньцзюнь по прозвищу А Бин (1893–1950). Обычно он исполнял свои безымянные мелодии на улице за деньги. Когда один профессор китайской консерватории решил записать их на магнитофон, то было решено

имя А Бин стало нарицательным для всех слепых и никак не могло быть чьим-нибудь реальным именем.

Не стоит и говорить, что это тоже был и смех и грех! В итоге мы придумали ему временное имя Лу Цзябин, так как фамилия его матери была Лу, а название родной деревни Луцзянь. Сразу же вписали это имя в три секретных документа, которые следовало передать в вышестоящие органы и сдать в архив.

13

Ранним утром следующего дня, когда чуть забрезжил рассвет, я повел А Бина в святая святых нашего отдела радиоперехвата, находившегося за высоким забором. Перед воротами висели две таблички – большая и маленькая, на которых было написано: «Такой-то Институт изучения оружия сухопутных войск», «Военный пункт: без пропуска не входить».

Естественно, это все было для прикрытия.

Честно говоря, это была территория, недоступная для глаз людей и для прохода, даже некоторые сотрудники внутренних служб нашего подразделения 701, такие, как охранники, врачи, водители, повара, даже и думать не могли, чтобы попасть сюда. Здесь все было так же, как и вчера. Это место было вне пространства и времени. Оно было покрыто тайной

одной из мелодий дать именно такое название, потому что А Бин любил играть свои мелодии у источника в городе Уси.

и абсолютной секретностью. Каждый, кто попадал сюда, навсегда становился частью этой тайны и секретности, принадлежал стране и народу и уже никогда не мог существовать как отдельная личность.

Все описанное ниже выдуманно, но, пожалуйста, не вините меня за это. Я не могу рассказать вам ни о чем – ни о самом здании, растениях, сооружениях, оборудовании, ни даже о птицах в небе и насекомых на земле. Потому что любое слово будет исследоваться, изучаться при ярком свете софитов. Другими словами, любое слово об этом месте может выдать меня. Вы можете наказать меня, даже запугивать смертью или красивыми речами завлекать меня – ничто не в силах заставить меня открыть мой запечатанный молчанием рот. Потому что я давал клятву, потому что это единственное убеждение в моей жизни.

Не слышно выстрелов.

Нет запаха пороха.

А Бин спросил меня, где мы находимся.

Я ответил, что это поле боя без порохового дыма...

На самом деле полем боя была аппаратная с деревянным полом и огромными окнами. При входе надо было снимать обувь, потому что аппаратура была дорогой и хрупкой, намного чище человека и к тому же не переносила пыли. Когда мы вошли, я устроил А Бина на диване. Справа от него сидел самый компетентный сотрудник отдела радиоперехвата – начальник отдела по фамилии Чэнь, слева стоял чайный

столик с чашкой чая на нем, пачкой сигарет, коробком спичек и пепельницей. Я представил начальника Чэня А Бину и сказал:

– А Бин, начиная с этого момента он – твоя рука, надеюсь, вы сработаетесь.

Согласно оговоренному заранее плану, Чэнь подал А Бину сигарету, поднес зажженную спичку и угодливо сказал, что он очень рад быть его помощником. Из этого А Бин сделал вывод, что Чэнь, как и я, – хороший человек. Для развития его таланта это было очень важно. Рядом с людьми, которые ему не нравились, А Бин волновался и дрожал, мог легко прийти в бешенство, и в такие моменты его интеллект уменьшался стремительными темпами. Мне этого не хотелось, к тому же я опасался, что, раз снизившись, интеллект уже никогда не восстановится, как сгоревшая вольфрамовая нить. От такого удивительного человека, как А Бин, мы всегда можем ожидать, что с ним могут произойти самые удивительные и абсурдные вещи. Поэтому, говоря по правде, его талант было трудно использовать. От момента его обнаружения и до настоящего момента в том, что он сейчас радостно сидел перед аппаратом, была моя заслуга и удача.

После того как они немного поговорили, рука начальника Чэня осторожно легла на ручку-переключателя частот. Он сделал легкое вращательное движение пальцами, и ручка повернулась, и тут же лавиной налетели крепко спавшие до этого на просторах радиоокеана звуки электромагнитных волн,

радиостанций, свист, песни и разный шум. А Бин, выпрямившись, сидел на диване и курил, с не меняющимся выражением лица вслушивался в этот гам, указательный и средний пальцы его правой руки периодически постукивали по подлокотнику дивана.

– Можно сделать побыстрее? Слишком медленно!

– Все равно медленно! Еще быстрее!

– Можно еще быстрее...

Когда его требование не было выполнено так, как он хотел, А Бин, казалось, разволновался, вскочил и попросил, чтобы его пустили за аппарат продемонстрировать, как надо. Он покрутил ручку несколько раз, задав нужную скорость вращения, чтобы начальник Чэнь крутил ее именно так. В этот момент я и Чэнь были ошеломлены, потому что заданная им скорость в пять раз превышала обычную! При такой скорости наши уши уже не могли уловить никаких звуков радиосигналов, они все сливались в мгновенно меняющиеся «так» или «тук». Другими словами, они превращались в одинаковый шум. Если привести некорректный пример, то можно сказать, что поиск радиостанций среди радиосигналов – это словно поиск чего бы то ни было в магнитофонной записи, потому что то, что ты ищешь, перемешано с другим таким же, и даже если поставить запись на нормальной скорости, не факт, что ты легко найдешь то, что нужно. А сейчас нашелся человек, который требует нажать на кнопку «быстрая перемотка» для ускорения процесса. Естественно, таким

образом, потерянное время было сэкономлено, все образы в мгновение ока обратились в тени, где же искать то, что надо?

Это безобразие!

Начальник Чэнь в растерянности посмотрел на меня.

Я подумал, что уж лучше пусть он творит безобразие, чем гневается. У безобразий бывает конец, к тому же мы это считаем таковым, а он, возможно, нет. Тогда Чэнь начал крутить ручку с заданной А Бином скоростью. В одно мгновение все звуки, которые я слышал, слились в странный шум, при этих звуках душа приходила в смятение, и я был весь как на иголках. Но А Бин все так же спокойно сидел на диване, по-прежнему курил и с неизменным выражением лица прислушивался к звукам, постукивая пальцами правой руки по подлокотнику.

Десять минут.

Двадцать минут.

Полчаса прошло.

Внезапно А Бин крикнул:

– Стоп! – потом велел Чэню: – Чуть-чуть назад, вот этот звук, дайте еще послушаю... Помедленнее... Да, это он, сохраните его, отрегулируйте звук...

Начальник Чэнь отрегулировал его до максимально возможного.

А Бин послушал, затем с пониманием кивнул головой:

– Ошибки нет, это он! – Он посмеялся и произнес: – А это посложнее того, как я определял радиостанции в радио-

приемнике!

На этой радиочастоте как раз передавали сообщение. Нам трудно было сразу определить, вражеская ли это радиостанция, которую мы искали, поэтому мы сначала записали сообщение, чтобы отнести в отдел дешифровки. Начальник Чэнь записал первую страницу и отдал ее мне, а сам продолжил делать записи. С этой бумагой я помчался в отдел дешифровки, чтобы они как можно скорее определили, пропавшая ли это вражеская станция. Они позвонили, когда я вернулся. Положив трубку, я бросился к А Бину и, не в состоянии сдержать радость, обнял его и громко сказал:

– А Бин! Ты – потрясающий!

После этого я обнаружил, что по щекам текут слезы.

14

Люди постарше с моей родины помнят, как «японские черти»¹³, встретив в Нанкине сопротивление и потеряв немало людей, предприняли ряд ответных мер, таких, как знаменитая Нанкинская резня¹⁴ и т. п. Когда они пришли в наш

¹³ Этнофолизм, обозначающий японцев, сохранившийся со Второй мировой войны.

¹⁴ Трагические события в ходе войны Японии и Китая. В декабре 1937 года японская армия вошла в Нанкин, где устроила массовую резню, продолжавшуюся практически шесть недель. Согласно документам, обнародованным одной из благотворительных организаций, которая работала в то время в Нанкине, а также конфискованным у японских солдат записям, по приблизительным оценкам во

уезд, то продолжали свою месть: жгли, грабили, убивали, насиловали – все, что можно было сделать плохого, они сделали. Моей семье повезло, потому что отец был прекрасно осведомлен и успел отправить меня с мамой и двумя сестрами в деревню под городом Уси, где мы и прожили больше года. Наша деревня находилась на берегу озера Тайху, народ здесь занимался в основном рыболовством. С наступлением зимы рыба пряталась на дно озера, поэтому рыболовы часто возвращались с пустыми руками. И только мой дядя никогда не приходил с пустыми руками, в его корзине всегда лежали немыслимо огромные рыбыны и другие свежие продукты. Причиной этого был особый трюк дяди при зимней ловле рыбы: он по хаотичным пузырькам на поверхности воды мог понять, какие исходят от рыб, впавших в зимнюю спячку, а какие нет. Затем он бросал сеть туда, где были «пузырьки рыб», и те оказывались в ловушке.

То, как А Бин искал вражеские радиостанции, напомнило мне этот прием. Он не только мог из множества пузырьков выделить те, которые были «рыбьими», но и умел по пузырькам определить, какая именно это рыба. Другими словами, он не только знал, что под пузырьками есть рыба, но и то, карп ли это, карась или какой другой вид.

Без сомнения, А Бин был на голову выше моего дяди.

Как я уже говорил, единой мечтой всех сотрудников под-

время декабрьских событий в Нанкине было убито более двухсот тысяч мирных жителей (некоторые историки говорят о пятистах тысячах).

разделения 701 было стремление к победе. До прихода А Бина в аппаратную никто не знал, как ее одержать, однако с момента его появления там все словно прозрели. В тот день А Бин провел в аппаратной восемнадцать часов, выкурив четыре пачки сигарет, нашел три вражеские радиостанции на пятидесяти одной частоте. Он находил примерно по три частоты в час, и это было равноценно общему результату усилий всех сотрудников отдела радиоперехвата за десять с лишним дней.

Какой восхитительный душевный подъем, как трудно поверить в происходящее!

То, что происходило потом, нетрудно представить. Каждый день А Бин приходил в аппаратную, освежал в памяти свои записи, и в самый плодотворный день – это был восемнадцатый день его работы – он обнаружил пять радиостанций и восемьдесят две частоты. Самое странное заключалось в том, что с того момента количество найденных радиостанций стало сокращаться с каждым днем и на двадцать пятый день результат оказался нулевым. На следующий день ничего не изменилось, А Бин трудился все утро, но ничего не нашел. После обеда он отказался идти в аппаратную, так как считал, что все каналы уже обнаружены.

Неужели это так?

На стене висела таблица статистики прогресса, в глаза сразу бросался тот факт, что на тот момент мы уже обнаружили и взяли под контроль восемьдесят шесть вражеских

радиостанций с общим количеством одна тысяча пятьсот шестнадцать каналов. Из них А Бин нашел семьдесят три станции с тысячей тремястами девятью частотами, найденное им число радиостанций составляло восемьдесят шесть процентов и каналов – восемьдесят семь процентов от общего количества. Но, согласно имеющимся у нас данным, существовало еще как минимум двенадцать не раскрытых нами станций, которые к тому же относились к системе высшего руководства вражеской армии.

С одной стороны, имелись документы, в которых не было ни малейшего сомнения и которые утверждали, что есть еще вражеские радиостанции, а с другой стороны, был уверенный в себе и заслуживающий абсолютного доверия А Бин, утверждавший, что все станции найдены. Как могла сложиться такая ситуация? Начальник отдела собрал всех специалистов на совещание, они долго обсуждали и анализировали, после чего пришли к единому мнению, что имеется только одна вероятность: не обнаруженные радиостанции, несомненно, в корне отличаются от уже найденных, иначе А Бин не опустил бы руки.

Но в чем же это отличие?

Никто не мог ответить.

Совещание завершилось безрезультатно.

На следующий день я не повел А Бина в аппаратную, а попросил автомобиль, чтобы вывезти его развеяться. Конечно, лучше было бы попасть в тутовник, о чем я думал изначально, но после долгих поисков я повез его во фруктовый сад. Я не буду писать вам, где он находится, потому что после выхода книги кто-нибудь сможет понять, где находится наше подразделение 701 – на юге или на севере? На юго-востоке или северо-западе? Там, во фруктовом саду, мы дышали свежим воздухом и болтали. А Бин радовался, словно ребенок, я же напоминал обеспокоенного отца. Перед тем как уехать оттуда, я рассказал А Бину историю о том, как мой дядя ловил рыбу. Последнюю часть истории я выдумал, она была сказочной, но А Бин слушал как зачарованный, принимая ее за правду.

Я сказал:

– Однажды зимой мой дядя, как обычно, отправился на озеро ловить рыбу, но несколько дней подряд ему не удавалось увидеть «пузырьки рыб». Из этого мой дядя сделал вывод, что вся крупная рыба уже была поймана им, поэтому он вернулся домой, и его семья стала питаться сушеной рыбой. Но однажды его внук пошел играть на озеро и увидел целую стаю рыб, резвившихся на мелководье у берега. Значит, в озере еще было много рыбы, просто они стали более

хитрыми, они понимали, что если продолжать жить на дне, то рано или поздно дядя их выловит, поэтому рыбы уплыли со дна озера, выплыли из глубоких вод и обосновались на прибрежном мелководье. И хотя там было прохладно, но пространства хватало, не нужно было дышать изо всех сил, чтобы выжить. А если не дышать изо всех сил, то и пузырьки не будут образовываться и дядя их не найдет.

Так я дал А Бину понять, что причиной, по которой мы еще не нашли двенадцать радиостанций, является то, что они, «как и хитрые рыбы», спрятались, и спрятались в таком месте, о котором мы и не думаем. Где же? Сейчас есть только один способ обнаружить их, но это будет не просто. Я спросил А Бина, хочет ли он попробовать. Он ответил:

– Поехали!

То есть он хотел попробовать.

На обратном пути я специально нашел почту и отправил маме А Бина сто юаней. Я сказал ему, что это не мои личные деньги, а деньги многих сотрудников подразделения 701, они, как и я, все надеются, что он поскорее отыщет эти радиостанции. Я верил, что эти мои слова и действия имели смысл, потому что А Бин был примерным сыном, ценившим дружеское отношение, и он всегда старался отблагодарить за добро.

Когда мы вернулись в горы, я из принес архива восемь огромных ящиков записей – это были материалы по тем двенадцати радиостанциям, которые мы до сих пор не смогли

обнаружить. Я поставил их перед А Бином:

– Сейчас твоя задача – слушать эти записи. Снова и снова тщательно прослушивать. Но что надо слушать? Не особенности звуков, а то, как телеграфист передает сигналы. Я уверен, что ты сможешь распознать, сколько этих телеграфистов и какими характерными особенностями обладает каждый из них.

Я размышлял так: раз мы решили, что двенадцать радиостанций противника высшего уровня коренным образом отличаются от остальных, это означает, что мы не можем для их поиска использовать старый, привычный способ, который мы вывели на основании качества звука аппаратуры противника. Следует найти проложенный ими совершенно новый путь. И если А Бин распознает характерные особенности стиля телеграфистов, то это можно будет считать лучшим решением.

Так-то оно так, но всем понятно, что сделать это труднее, чем подняться в небо.

Естественно, теоретически, когда телеграфисты рукой набивают сообщения, это похоже на то, как мы говорим с помощью рта: у разных людей разное произношение и все немного отличаются друг от друга. Но на самом деле эта разница микроскопическая, очень трудно отличить одного от другого. Можно сказать так: в мире нет более простого кода, чем морзянка, этот язык образован лишь двумя звуками – «тук» и «так». Из-за ее чрезмерной простоты, хотя азбука Морзе

и является профессиональным языком и нужно пройти особое обучение, ею может овладеть и обычный человек. Все находятся на одном уровне, трудно сформировать отличие, и даже если отличие будет, то оно будет такое незначительное, что на примитивном уровне ощущаться не будет. За почти пять лет работы в отделе радиоперехвата я могу расслышать лишь, что телеграфист набивает сообщения как по маслу и использует малоупотребимые движения, например: часто пять «тук» подряд набивают как шесть – «тук-тук-тук-тук-тук-тук». В коде Морзе нет знаков из шести «тук», это отдельный знак, к счастью, он не вызывает никакой двусмысленности, обычно сразу ясно, что это «пять». Именно так я «познакомился» с таким телеграфистом: каждый раз, услышав шесть «туков», я понимал, что это он заступил на смену.

Однако необычных телеграфистов было мало, особенно на радиостанциях высокого уровня таких «хитрецов» давно уже выгнали. Поэтому хотя я так и говорил, но в душе понимал, что отделить по стилю набивания кода телеграфистов одного от другого сложнее, чем подняться в небо. И даже зная все самые высокие и низкие тайны мира, все равно не сможешь это сделать.

Но А Бин твердо решил продолжать творить чудеса. На следующий день, когда я еще спал, мне позвонил директор гостиницы и сказал, что меня зовет к себе начальник Чэнь. Когда я прибыл, Чэнь протянул мне несколько листов бумаги со словами:

– А Бин уже прослушал восемь ящиков записей (естественно, поверхностно, но разве ему надо тщательно вслушиваться?), результат – на этих листах, взгляните!

Пока я читал, он все охал:

– Прямо невозможно поверить! Да он просто волшебник, этот А Бин! Осмелюсь сказать, что не пройдет и нескольких дней, как мы найдем все радиостанции противника!

Говоря по правде, то, что я увидел, вдохновило меня. А Бин не только услышал на записях из восьми ящиков, что телеграфистов было семьдесят девять человек, но еще и сделал «комментарии» по поводу стиля каждого из них. Например:

№ 1. Когда 3/7 идут подряд, любит передавать их вместе.

№ 2. Когда идут друг за другом 5/4, часто ошибается, приходится исправлять.

№ 3. Когда передает цифру 1, сигнал особенно короткий.

№ 4. Самый умелый и быстрый.

№ 15. В момент прощания часто использует малоупотребимые знаки, любит вместо GB¹⁵ передавать GP.

И т. д. и т. п.

В общем, с первого по семьдесят девятый номер ни один не был забыт, у каждого А Бин выделил уникальные особенности. Мы не могли подтвердить, правильными ли они были, но одно можно утверждать точно: на двенадцати радиостанциях работали семьдесят девять радистов, этим цифрам можно было верить. Потому что обычно радиостанции рабо-

¹⁵ GB – Good bye! – До свидания! (англ.)

тают сутки напролет, и как минимум требуется шесть радистов. Шесть умножить на двенадцать (радиостанций) равно семьдесят два. К ним еще надо прибавить тех, кто временно подменяет сотрудников во время отпуска. Поэтому если в определенный период времени работали семьдесят девять радистов, то это вполне рациональная цифра, отвечающая действительности. А Бин ничего этого не знал, что отметало вероятность угадывания с его стороны.

Закончив чтение, я сказал А Бину:

– Сейчас пойдем завтракать, а после завтрака, А Бин, мы вернемся в аппаратную и отыщем всех этих радистов!

Когда я сказал «отыщем всех этих радистов», я хотел, чтобы он понял, что сейчас наш поиск будет кардинально отличаться от предыдущего: тогда мы «различали качество звучания», сейчас будем выискивать «особый почерк». Но, что бы мы ни делали, мы просто шли к одной цели разными путями, мы искали вражеские радиостанции.

16

Все знали, что в прошлый раз А Бин использовал «метод скоростной перемотки» для успешного обнаружения вражеских радиостанций. Этим он потряс всех, но сейчас этот метод был неприемлем. Потому что «почерк радиста» и «качество звука» – это две совершенно разные вещи. Второе не зависит от скорости перемотки, а в первом случае, если уве-

личить скорость, то целый код будет не ухватить, не говоря уже о «почерке радиста», поэтому сейчас надо было медленно вращать ручку переключения каналов. Но от медленной скорости А Бин не получал никакого удовольствия, он попросил поставить еще один аппарат, чтобы слушать одновременно.

И двух ему было мало.

И трех недостаточно.

Таким образом, все добавляли новые аппараты и радиостов, пока их не стало шесть, только тогда А Бин был почти доволен. В этот момент А Бин был тесно окружен аппаратурой и радистами, со всех сторон доносился треск аппаратов и радиоволн, звуки вразнобой то замолкали, то становились все громче, со всех сторон они охватывали его. А Бин по-прежнему неподвижно сидел на диване, тихо курил и слушал. Он оставался абсолютно спокоен. В девять пятнадцать он внезапно вскочил, обернулся и сказал радисту, который сидел у него за спиной:

– Ты нашел! Послушайте: этот человек постоянно делает акцент на цифру «ноль», это радист номер тридцать три. Ошибки нет. Это он!

Противник как раз передавал сообщение.

Радиограмма была записана, и, хотя это была ее завершающая часть, для дешифровщиков и этого было достаточно, чтобы расшифровать и сделать вывод, что это действительно вражеская радиостанция высшего уровня.

Однако, если бы не было этого свидетельства, никто не смог бы поверить, что это и есть радиостанция, которую мы искали, потому что ее сигнал был таким некачественным и несовременным, что любой услышавший его мог без малейшего колебания сказать, что он исходит из оборудования десятилетней давности, а то и вообще прошлого века. От такой аппаратуры уже все давно отказались, можно сказать, что ни одна страна, даже самая бедная, уже давно не использует такую древность. Кто же им пользуется? Любители радио или соответствующие ассоциации, частные организации бедных стран, например отряды спасения на море, морские компании, рыболовецкие компании, охрана леса, зоопарки открытого типа, турфирмы и др. Именно поэтому сотрудники отдела радиоперехвата обычно, услышав такой сигнал, не придают ему значения и быстро прокручивают. А сейчас вдруг оказалось, что эта аппаратура используется для связи высшего уровня. Какой по-настоящему коварный план, целью которого было парализовать отдел радиоперехвата, чтобы тот всегда ходил рядом, но проходил мимо! Это походило на то, как люди специально кладут рядом с тобой то, что ты хотел бы украсть, ты ищешь везде – справа, слева, сверху, снизу, только не догадываешься посмотреть рядом с собой. Суть одна: все строят дьявольские планы, славящиеся своим безумием, смелостью и абсурдностью.

Но А Бин был на голову выше этих дьяволов. Когда их планы были раскрыты, словно распахнулись двери организа-

ции, остальное было вопросом ближайшего будущего.

Через три дня стали известны пятнадцать радиостанций (к изначальным прибавилось еще три).

Через десять дней сто семь тайных военных радиостанций на тысяче восьмиста шестидесяти одной частоте были нами выявлены и взяты под контроль.

17

Без малейшего труда А Бин разрешил опаснейшую для подразделения 701 и безопасности всей страны ситуацию. То, что он сделал всего за месяц, было намного, намного больше всего того, что сделали все сотрудники отдела радиоперехвата в совокупности. Поэтому ему причитались уважение и почитание всех сотрудников подразделения 701, а также должны были достаться вся слава и медали. Можно сказать, что если бы работа нашего подразделения не была засекречена, то А Бин стал бы героем, которого знает каждый человек, его загадочная и яркая история рассказывалась бы без устали с восхищением и воодушевлением. Но из-за особого характера нашей работы о нем знали кроме нескольких человек из моего отдела разве что жители деревни Луцзянь. Однако какое это имело значение? Для А Бина по-настоящему всегда имели значение лишь две вещи: первое – «вопрос доставки хвоста» матери, он об этом постоянно говорил, второе – «вопрос авторитета» его ушей. Никто и ни

при каких обстоятельствах не имел права сомневаться в его способностях.

Не стоит и говорить, что эти два вопроса давно уже перестали быть проблемой.

Успешно завершив важное дело, А Бин вел спокойную и неспешную жизнь, иногда коллеги из соседних отделов просили его помочь «решить проблемы», а остальное время он проводил в ущелье. Организация выделила ему в помощь специального сотрудника, который раньше обслуживал начальника нашего управления, отвечал за его проживание, питание и безопасность. Каждый день после завтрака этот человек приводил А Бина к дверям здания за высокой стеной, а потом дежурный отводил его в аппаратную. Там его работой было сидеть и ждать. Если у кого возникала опасная ситуация, он должен был ее решить. Но такое случалось не часто. Обычно он занимался изучением азбуки слепых и прослушиванием радиопередач. Однако в целом он не мог долго сидеть на одном месте, после обеда он не любил оставаться в аппаратной, а выходил во двор, чтобы скоротать время. Чаще всего он ходил к охранникам, сидел на спортплощадке, слушал, как молодые солдаты занимаются спортом, поют, состязаются в боевых искусствах, ссорятся, а иногда даже играл с ними в свою старую игру «проверка слуха». В то время благодаря тому, что я нашел А Бина и так умело его натренировал, меня в виде исключения выдвинули на должность заместителя начальника отдела радиоперехвата,

а отдел охраны также входил в зону моей ответственности. Здесь все прислушивались к моему доброму совету: нельзя относиться к А Бину без уважения и шутить с ним вольные шутки.

В действительности мой совет был излишним: у нас в отделе, да и во всем подразделении 701, нет никого, кто не относился бы к А Бину с величайшим почтением – как к главному начальнику, и никто не посмел бы шутить с ним. Я с легкостью заметил одну вещь: где бы ни появлялся А Бин, все, кто его видел, останавливались, отдавали честь глазами, в случае необходимости уступали дорогу и улыбались ему, хотя он и не мог увидеть всего этого. В истории нашего отдела радиоперехвата никогда не существовало человека, который пользовался бы таким же уважением, да и, наверное, больше не будет.

18

Дни в горном ущелье медленно текли своей чередой.

Пришла зима. А Бина увезли в больницу с острым приступом аппендицита. Больница располагалась в первом ущелье на подведомственной территории, от нас было далековато, но на машине можно было быстро добраться. Я часто именно так ездил навещать его. Однажды, когда я вошел, увидел, как медсестра Линь Сяофан делает ему перевязку. Я знал ее, она была родом из деревни, и ее брат раньше служил в нашем

подразделении в отделе охраны, но во время тренировки с боевыми патронами получил ранение и безвременно погиб на боевом посту. Ее позвали в подразделение 701 в виде исключения, как сестру павшего героя, после чего послали на учебу в школу подготовки медсестер, а потом сразу взяли на должность медсестры в нашей больнице. Так как она была сестрой героя, то и ее требования к самой себе были весьма высоки, а к подразделению 701 она относилась с какой-то простой деревенской благодарностью за оказанное благодеяние. Я смотрел на то, как она внимательно и сердечно обращается с А Бином, и меня внезапно посетила одна странная мысль, о которой я тут же доложил начальнику отдела. Тот сказал, что моя идея неплоха, но кадровый состав больницы мы контролировать не можем, надо спросить главврача, посмотреть, что он скажет. Тогда я пошел к главному начальнику и изложил ему свою мысль.

Тот выслушал и ответил мне напрямую:

– Да, мысль неплоха! Вместо того чтобы нанимать ему обслуживающий персонал, лучше помочь ему создать семью. Дело хорошее, только не знаю, сможешь ли ты ему посодействовать.

Я спросил:

– А если нет? Могу я говорить от имени организации?

Начальник не ответил мне прямо, лишь, как бы рассуждая про себя, пробормотал:

– Если бы у меня была дочь и она понравилась А Бину, то

я как отец выдал бы ее за него замуж.

Я тоже так думал. В определенном смысле А Бин заново создал подразделение 701, и у нас не было причин отказывать ему в том, в чем он испытывал потребность. Таким образом, я все продумал. Если бы у Линь Сяофан были какие-то сомнения или страхи, то я от имени организации повлиял бы на ее волю и способствовал бы этому браку. Это сейчас кажется таким глупым и смешным. А тогда, как минимум в нашем подразделении 701, это не было чем-то из ряда вон выходящим. Честно говоря, моя бывшая жена тоже была подобрана мне организацией, а потом наши чувства друг к другу стали крепкими. Она слишком рано серьезно заболела, и перед смертью рассказала мне о своей двоюродной сестре, которая стала моей нынешней женой. Это я к чему говорю? А к тому, что в то время в нашем подразделении 701 мы относились к браку как к части революции и профессиональных занятий, и такое убеждение придавало сладости нашей жизни и беспримерно искренней любви.

Будучи сотрудником местного подразделения, Линь Сяофан не имела понятия о характере работы А Бина, она думала, что все его почести из-за того, что он изобрел какое-то секретное оружие для защиты государства. Но это не стало препятствием для замечательного брака, который я устроил. По правде говоря, Линь Сяофан выслушала меня и согласилась сразу, не колеблясь ни секунды. Она сказала, что если бы ее брат был жив, он точно одобрил бы ее брак с великим

героем, создавшим секретное оружие на благо Родины. А что касается его изъяна – слепоты, то поэтому она и хочет выйти за него замуж: герою нужны ее любовь и забота.

Вдохновленный твердой решимостью и душевным благородством Лянь Сяофан, я отправился к А Бину и поведал ему свою идею. Осмелюсь сказать, что это был первый раз в жизни А Бина, когда он не поверил своим ушам, мне пришлось повторить то, что только что сказал. Когда я закончил говорить, услышал, как А Бин разговаривает сам с собой:

– Кто захочет замуж за слепого? У нас в Луцзянь только слепые выходят замуж за слепых. А когда двое слепых в семье – это же двойная слепота!

Когда я твердо ответил, что Сяофан действительно хочет за него замуж, А Бин попытался скрыть рвущееся из глубины души волнение и воодушевление. Ему это не удалось, и он все переспрашивал меня:

– Это правда?

– Правда.

– Правда?

– Правда!

И так несколько раз.

Во время празднования Праздника весны – китайского Нового года – в актовом зале подразделения 701 состоялась торжественная церемония регистрации брака А Бин и Линь Сяофан. Все сотрудники – от главного начальника директора Те до повара – пришли сердечно их поздравить, разно-

образные подарки заполнили всю сцену, в итоге пришлось выделить небольшой грузовичок, чтобы перевезти их в новый дом молодоженов (в первом ущелье), и там они заполнили собой все пространство. Их домом стало маленькое двухэтажное строение, в котором раньше жили я и начальник У. Чтобы позволить А Бину жить вместе с «человеком, которому он больше всех доверяет», начальник У уступил им дом. Можно сказать, что в отношении этого брака, в котором все-таки что-то было, если смотреть с позиций сегодняшнего дня, все в подразделении 701 были преисполнены невыразимой радости и удовлетворения. Казалось, что все считают, что А Бин столько сделал для подразделения, а теперь и подразделение может помочь ему, и, чтобы это брак стал идеальным, все с удовольствием отдавали им свою теплоту и любовь.

19

Как мой визит в Луцзянь изменил жизнь А Бина, так и успешно устроенная мною свадьба второй раз изменила его жизнь и судьбу. Честно говоря, Линь Сяофан вовсе не была красавицей, и в общении с людьми она не была особенно мудрой, но обладала большим сердцем и терпением. Все заметили, что благодаря ее каждодневной заботе без жалоб и сожалений одежда А Бина стала более аккуратной и опрятной и лицо – чище и энергичнее. В это время он пребывал на

седьмом небе от счастья. Через два года А Бин стал счастливым отцом.

Принимая во внимание особые обстоятельства, организация в соответствии с просьбой Сяофан предоставила ей особый двухгодичный отпуск и позволила уехать в дом к родителям, чтобы родить и растить ребенка. Зарплату за этот период ей выплачивали немалую и к тому же прибавили по десять юаней ежемесячно – на расходы на ребенка.

Вскоре после того, как Сяофан вернулась домой, на почту подразделения 701 пришло сообщение: «У нас родился сын. Со мной и ребенком все в порядке. Сяофан».

Я жил рядом с А Бином и почти каждый день ходил навещать его. Парень, который был приставлен, чтобы помогать ему, сказал мне, да я и сам заметил, что с того дня, как А Бин получил телеграмму от Сяофан, он начал из использованных пустых пачек из-под сигарет складывать голубей. Из одной пачки выходил один голубь, он ставил их на стол, в изголовье кровати – везде, куда можно было поставить. Их стало так много, что уже некуда было ставить. Тогда парень-помощник стал вешать их на красных нитях на перила лестницы, на стены, потолок – всюду, куда можно было повесить. Когда Сяофан с сыном вернулись в подразделение, у них по всему дому, во всех комнатах были развешаны разноцветные голуби, кто-то подсчитал – их было пятьсот сорок три штуки. Таким образом, на пятьсот сорок третий день после рождения сына А Бин впервые встретил его. Мальчик был красавцем,

особенно радовали его ясные глаза.

Я отчетливо помню, что в тот день, когда Сяофан вернулась, я лично наготовил целый стол еды для их встречи. Вероятно, из-за радости от долгожданной встречи с сыном вечером, когда я позвал их ужинать, оказалось, что у А Бина ужасно разболелась голова, поэтому он уже уснул, приняв лекарство. Было немного жаль, что на этом банкете его нет, но малыш принес всем много неожиданной радости и улыбок.

На следующий день я встал как обычно, совершил небольшую прогулку. Увидев за соседней дверью какое-то движение, постучал к ним и спросил Сяофан, как голова у А Бина. Она ответила, что уже хорошо, он ушел работать, ушел посреди ночи, сказав, что у него срочное дело. Значит, его вызвали в аппаратную помочь предотвратить очередную опасность. Такое и раньше случалось, в этом не было ничего необычного. Когда я уже повернулся, чтобы уйти, Сяофан внезапно словно вспомнила что-то, попросила меня подождать и принесла сумку, сказав, что А Бин просил передать ее мне. Я поинтересовался, что это. Сяофан ответила, что это ей поручил А Бин – рабочие тайны, смотреть нельзя, поэтому она не знает, что внутри.

Вернувшись домой, я открыл сумку, сначала вскрыл слой байковой ткани, потом – холщовой, а под ним была огромная папка с обложкой из крафт-бумаги. Внутри оказалось письмо и магнитофон. Таких сумок, куда можно было положить

магнитофон, в то время было немного, во всем подразделении 701, вероятно, только у него и была, ее подарил один из вышестоящих начальников. Я вскрыл письмо – внутри лежало несколько сотен юаней. Я изумился, и у меня возникло нехорошее предчувствие. Я осмотрел магнитофон, в него была вставлена кассета. Тогда я нажал кнопку «Пуск». Сначала были слышны какие-то всхлипы, а потом – плачущий голос А Бина:

– (Всхлип...) Я не вижу, но хорошо слышу... (Всхлип...) Сын не мой, а аптекаря, того парня из Шаньдуна... (Всхлип...) Моя жена родила от чужого семени (бастарда)... Мне остается только умереть... (Всхлип...) У нас в Луцзянь всегда так: если жена рождает от другого, муж умирает, умирает!.. (Всхлип...) Сяофан – плохой человек... (Всхлип...) Ты – хороший, передай деньги моей матери... (Всхлип...)

О боже!

Как я мог дослушать до конца?! Я срочно вызвал машину, вскочил в нее и помчался на работу через тоннель для экстренных случаев. Через десять с лишним минут я выломал дверь в кабинет А Бина (в аппаратную) и увидел его, свернувшегося на полу. В руке он сжимал оголенный штепсель. Его тело сгорело от проклятого электрического тока.

А Бин!

А Бин!

А Бин!

Его уши уже больше не могли слышать звуки этого мира...

20

А Бин умер.

С помощью магнитофона он передал мне послание: его жена родила от другого мужчины, сын – незаконнорожденный, поэтому он покончил жизнь самоубийством.

Смерть А Бина потрясла и глубоко опечалила сотрудников подразделения 701. Но они не были возмущены, потому что я обманул их.

Да, я обманул организацию. Что я сделал? Я не передал ту запись. А без нее кто мог знать, что А Бин покончил с собой? В надгробных речах говорилось: «Смерть по причине неосторожного обращения с электричеством». Когда такое «неосторожное действие» происходит со слепым человеком, это не вызывает сомнений. Таким образом, великий при жизни А Бин и после смерти был окружен почетом.

Поверьте мне, в моих действиях не было никакого личного интереса, я думал исключительно о самом А Бине и даже обо всей организации. Говоря по правде, когда мы ездили куда-нибудь на собрания, заседания и т. п., люди часто не называли нас сотрудниками подразделения 701, а говорили, что мы – «из организации, где служит А Бин». Это говорит о том, что его известность в рамках системы была велика, и

весть о самоубийстве разнеслась бы с огромной скоростью. И если бы все об этом узнали, то это было бы бедой и потерей лица для А Бина и подразделения 701. И для сохранения чести я взял на себя смелость спрятать «посмертное письмо» А Бина.

Но потом я все думал и думал и решил, что организация должна все-таки знать, иначе я не мог бы никак «отомстить» за смерть А Бина. Рассказать-то легко – дать начальнику послушать запись, и все. Естественно, чтобы избежать расследования за свою ошибку, я придумал историю о том, что якобы «только что нашел эту пленку». Так начальник отдела стал вторым человеком, узнавшим истинную причину смерти А Бина.

Начальник У передал пленку директору Те, который стал третьим, узнавшим об этом.

Спустя столько лет я как будто по-прежнему слышу – как наяву – рев, который издал директор Те, прослушав «посмертное письмо» А Бина:

– Пусть убираются отсюда! Оба пусть выметаются! Прямо сейчас!!! Сейчас же уведомьте их, чтоб завтра их ноги здесь не было! Пусть убираются к себе! Если я их увижу, расстреляю!!!

Осмелюсь утверждать, что если бы это произошло в военное время, когда все на поясе носили оружие, то те двое уже давно бы были изрешечены пулями. Но сейчас этого не случилось, да и не могло случиться. Почему? Да потому, что

траурный митинг уже прошел, история А Бина уже была создана, и чем пересматривать дело, лучше смириться с ошибкой. И так снова возник вопрос: раз А Бин погиб от неосторожного обращения с электричеством, то как можно выгнать его жену? Это невозможно. Я и представить не мог, что моя забота об А Бине и подразделении 701 выльется в невозможность наказать тех, кто был виновен в этом. Это было возмездие за мои действия.

Однако это не касалось шаньдунца-аптекаря. Этого подлеца я на следующий день, словно пса, затащил в машину и выкинул на вокзале. Чтобы сохранить тайну гибели А Бина, мы не могли прямо назвать его виновником трагедии. И поэтому, когда я высадил его на вокзале, он с ощущением своей правоты еще и потребовал у меня ответа, на каком основании его уволили. Разве у меня было желание с ним, мать его, общаться? Я без лишних слов вытащил пистолет из-за пояса охранника, вставил в него патроны и, тыкая ему в лицо, выругался:

– Я так тебе скажу: если ты еще тут хоть слово вякнешь, я тебя расстреляю!

Он, мать его, так перепугался, что не осмелился больше открывать рот и послушно убрался отсюда.

Однажды вечером, вскоре после того, как выгнали шаньдунца, когда я только вернулся домой, ко мне пришла Линь Сяофан. Она как меня увидела, тут же упала на колени и с плачем поведала мне о том, что я не мог представить и во что не мог поверить. Она сказала, что А Бин был импотентом. «А Бин, словно ребенок, считал», что стоит только вместе женой полежать в одной кровати, обнимать ее и целовать, и сможешь стать отцом, а у его мамы появятся внуки:

– Вы же знаете, он был почтительным сыном. Он так мечтал стать отцом, чтобы его мама поскорее стала бабушкой. Через год он понял, что я еще не беременна, и решил, что у меня проблемы со здоровьем, стал часто кричать на меня, перестал вместе со мной спать, и еще говорил, что выгонит меня и возьмет себе новую жену. Я боялась, что он бросит меня, ведь если бы это случилось, как я смогла бы оставаться в подразделении 701? Разве была бы я тогда достойна памяти моего брата? И тогда я... я...

Потом она поклялась мне, что, после того как узнала о своей беременности, больше не давала шаньдунцу прикасаться к себе.

Не знаю почему, хотя я и поверил ее слезам и даже тому, что ее слова, возможно, правдивы, она меня не растрогала, возможно, и капли сострадания не вызвала. Из-за стены раздался плач ребенка, я устало поднялся, холодно и грубо велел ей покинуть мой дом.

Уходя, Линь Сяофан сказала:

– Я знаю, я должна искупить свою вину перед А Бином. Я это сделаю, поверьте мне.

На следующий день люди видели, как она вместе с ребенком покидает подразделение 701, но никто не видел, чтобы она вернулась, и никто не знал, куда же она отправилась. А однажды осенью я поехал в командировку в Шанхай и заодно заехал в Луцзянь, чтобы навестить мать А Бина. И только тогда я узнал, что, покинув подразделение 701, Линь Сяофан приехала в Луцзянь и все это время жила с матерью А Бина. Самым странным было то, что я не увидел ее ребенка, а когда спросил ее об этом, она ответила, не вдаваясь в подробности, что он недостоин быть здесь. Из ее слов и действий было видно, что она считает это место своим домом, а мать А Бина похвасталась, что Сяофан – лучшая невестка в Луцзянь, и все говорят, что ей повезло.

В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году мать А Бина умерла от болезни сердца, вызванной диабетом. В деревне рассказывали, что после похорон Линь Сяофан покинула Луцзянь, сказав всем, что возвращается в то подразделение, где служил А Бин. Но мы знали, что это неправда. Куда она отправилась? Говоря по правде, мы до сих пор этого не знаем. Поначалу кто-то говорил, что она вернулась к себе домой, а кто-то – что она уехала в Шаньдун. Но позже подтвердилось, что все это слухи, и тогда появились новые версии. Одни говорили, что, уехав из Луцзянь, Сяофан бросилась в реку Хуанпу, а другие – что видели ее на улицах

Шанхая... Одним словом, по моему мнению, вопрос о месте ее проживания был еще более загадочным и странным, чем удивительный слух А Бина.

Часть вторая

СМОТРЯЩИЕ НА ВЕТЕР

Я помню, как Андронов говорил мне, что фон Нейман сейчас самый выдающийся дешифровщик, у него два мозга – один мыслит по-западному, другой – по-восточному... Во всем мире лишь он один может расшифровывать как восточные, так и западные коды. Он собрал вокруг себя учеников с востока, чтобы глубоко понять таинственную мудрость Востока. Поэтому некоторые говорили, что его ум намного сложнее, чем у Эйнштейна, еще более непостижимый.

Глава 2.

АНГЕЛ С ПРОБЛЕМАМИ

Она была ангелом, но не была совершенна.

Скажем, она была ангелом с проблемами.

Она – Хуан Ии, пятая начальница европейского направления отдела дешифровки особого подразделения 701.

О ней ходило не меньше слухов, чем о слепом А Бине. Люди по-разному и с разными чувствами пересказывали их, исходя из своих представлений о добре и зле, своих знаний и опыта. Их истории были настолько захватывающими, что у меня возник порыв написать о ней, единственной женщине – начальнице отдела дешифровки. Однако я не осмеливался взяться за перо, потому что мне все никак не удавалось встретиться с тем, кто знал ее лучше всех – с директором Анем, который был таким же человеком, как и директор Цянь из предыдущей истории, рассказавший мне про А Бина.

Директор Ань был четвертым директором особого подразделения 701, он обладал огромным опытом и квалификацией и являлся одним из девяти основателей этого подразделения, которых именовали «Девять благородных мужей». В настоящее время большинство из них уже ушли в мир иной, директор Ань – единственный, кто еще жив, ему уже далеко за восемьдесят. Однако он еще довольно крепок: когда

мы обменялись рукопожатиями, я почувствовал силу в его руке, да и голос его звучал уверенно и энергично, вот только было тяжело понимать его говор уроженца Сянси¹⁶. Он вышел на пенсию в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, после чего поселился в захолустном городке на севере, который не был его родиной и не был местом работы, это место выбрал для него его внук, которому не было и года. Говорят, что директор Ань – человек странный. Когда пришел срок выходить на пенсию, он не поехал в Пекин, Шанхай или другой крупный город, а попросил у организации помочь ему поселиться в каком-нибудь никому не известном городке. Неважно где, главное, чтобы это было незнакомое место! Это поставило начальство в тупик, ведь Китай такой огромный, и незнакомых ему мест великое множество. Как же определить, куда его послать? В итоге он сам решил: дал годовалому внуку монетку, чтобы тот кинул ее на карту Китая. Куда монетка упадет, там он и найдет пристанище. Была в этом кармическая предопределенность. И вот так он все эти годы жил как птица, оторвавшаяся от своей стаи, практически прервав все контакты с особым подразделением 701, а за давностью лет было нелегко найти его и встретиться.

Впоследствии, естественно, я его нашел, но можно представить, каким сложным делом оказалось заставить его говорить. Вне всяких сомнений, его решение удалиться и оборвать все контакты было связано с желанием молчать, и я мог

¹⁶ Сянси-Туцзя-Мяоский автономный округ в провинции Хунань, КНР.

это понять. Но не мог принять. В конце концов мое великое терпение и искренность одержали победу над его упорством, но победа эта была не полная, а лишь частичная. Он согласился рассказать о Хуан Ии, но заставил меня на бумаге подписать обещание не упоминать в книге ничего, связанного с его историей. А история эта произошла на самом деле, я уже слышал ее в подразделении 701 и верю: если ее опубликовать, то это будет самая интересная часть моей книги. Но сейчас мы скрепили договор подписями, и эта история – табу для меня, тайна за семью печатями, которую надо держать в строгом секрете, и больше я не буду затрагивать эту тему. Даже намекать не буду. А еще он потребовал от меня, чтобы я описал историю Хуан Ии так, как рассказывает именно он, и это также закреплено на бумаге. Поэтому мне остается только рассказать его версию событий.

Однако, говоря по правде, рассказывал он не так хорошо, как мои земляки. Вероятно, из-за возраста говорил он очень медленно, и я потратил на его рассказ почти в два раза больше сил, чем на историю А Бина, с трудом привел в надлежащий вид, и все равно осталось много мест, которыми я недоволен. Тем не менее выбора у меня нет, ведь добавлять что-либо я не могу и переделывать не имею права, могу только удалять лишнее и вносить стилистические исправления.

Таким образом, рассказ получился такой.

Моя история начинается в Москве. Я – дитя революции, вырос в Москве, прибыл туда в тысяча девятьсот тридцать первом году, когда мне было всего четыре года, а на Родину вернулся лишь в двадцать лет, в тысяча девятьсот сорок седьмом году. В Москве я изучал радиотехнику, поэтому по прибытии в Китай организация отправила меня в подразделение 701. Вначале я занимался самым основным – радиоперехватом, а потом, из-за того что я прекрасно говорил по-русски, я какое-то время занимался сбором и переработкой данных. В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году меня с женой Сяо Юй направили в Москву. Сяо Юй работала в посольстве, а я изучал методы дешифровки в закрытом отделении криптографии при мехмате МГУ. Это изменило мою судьбу. Все мои ошибки и достижения, победы и поражения, удачи и неудачи – все они были связаны с дешифровкой. Даже сейчас то, что я выпал из поля зрения людей и живу здесь затворником, следствие этого. Мой руководитель Андронов часто говорил: это не профессия, это – заговор, всем заговорам заговор! Человек, который долго занимается этим таинственным и тайным, требующим высокого интеллекта делом, страдает физически и морально. Напряжение накапливается постепенно, день за днем, оказывая незаметное влияние, а в итоге ты уже не можешь вести нормальную жизнь.

По логике вещей, я должен был закончить обучение в июле тысяча девятьсот шестидесятого года, но еще в марте я внезапно получил извещение от организации о необходимости немедленно вернуться на родину. Извещение доставил товарищ под кодовым именем Самолет. Это была женщина родом из Чанчуня, высокого роста, с лицом красного цвета, как у спортсменов-пловцов, это был цвет здоровья. Она была моей начальницей в период пребывания в Москве, когда я номинально был студентом, а на самом деле имел секретный статус – говоря начистоту, был шпионом, занимался сбором информации о методах Советского Союза по дешифровке военных секретов США. Моим научным руководителем был Лев Андронов, всемирно известный математик, вместе с тем он был знаменитым дешифровщиком, доставлявшим массу проблем американцам. Наша организация сделала так, чтобы меня распределили к нему, с тем чтобы я использовал его положение и собрал данные о военном состоянии стран Запада. За три года, что мы провели бок о бок, наша дружба день ото дня становилась все крепче, он не только был моим учителем, наставником, он стал мне как родной отец. Я позднее изменил имя на Ань Цзайтянь¹⁷ именно из уважения к нему и в память о нем. Узнав о том, что мне надо возвращаться, я сожалел, что придется расставаться с ним, а также что мое обучение еще не закончилось. Не получив из-

¹⁷ Фамилия «Ань» – это первый иероглиф из китайской транскрипции фамилии «Андронов».

за внезапного отъезда диплома, который уже был практически в моих руках, я испытывал огромное сожаление.

То, что произошло позднее, – не просто сожаление. Когда я уже оформил в университете все необходимые документы, накануне моего отъезда на поезде я получил еще одну горестную весть – моя жена Сяо Юй погибла в автокатастрофе. Машина, на которой она ехала, столкнулась с грузовиком и упала в пропасть, все, кто был в тот момент в автомобиле, погибли. Не говоря о том, что все люди погибли, даже их тела нельзя было увидеть. Мне сказали, что машина, упав в пропасть, загорелась и все тела обгорели до такого состояния, что невозможно было определить, кто есть кто. В итоге в больнице провели химический анализ, чтобы идентифицировать погибших. Когда я увидел Сяо Юй, она уже была в черной урне.

Урна с прахом!

С урной Сяо Юй я покинул Москву. Я и сейчас помню, что в тот день внезапно пошел снег, он лежал на вокзале сугробами, на душе у меня было так же мрачно и холодно, как и на улице. Поезд, груженный прибывшими из Китая яблоками и свининой, стоял у платформы. Представители русской и китайской сторон разгружали и принимали товар. Все эти вещи шли в уплату долга китайской стороны. Как и говорили, у советской стороны были строгие требования к качеству товара, на платформе стояло несколько специальных блоков для измерения разгруженных яблок. Размер их определялся

по науке и по шаблону – не нужны были слишком большие и слишком маленькие. Свинину также проверяли тщательно – если попадались куски со шрамами или рубцами, их тоже откладывали.

В то время отношения между Китаем и СССР были довольно непростыми. Мой багаж тоже был подвергнут тщательной проверке на станции. Мой наставник Андронов, увидев это, еще раз попытался уговорить меня не уезжать. В те дни он постоянно пытался это сделать. Как раз накануне мы долго разговаривали ночью, он проанализировал перспективы отношений между нашими странами и мое возможное будущее. Он полагал, что возвращение – это худший выбор для меня. Он словно предвидел, что отношения между Китаем и СССР ухудшатся, и подозревал, что, вернувшись на родину, я займусь дешифровкой советских сообщений, чем запятнаю нашу крепкую дружбу. Он надеялся, что я останусь, закончу учебу, может быть, даже смогу защитить кандидатскую, сосредоточусь на научных знаниях и не буду вовлечен в дешифровальную деятельность. Мой руководитель сказал:

– Это идеологический вопрос. Если говорить точнее, то он не имеет никакого отношения к науке, мой собственный опыт должен стать тебе уроком. У меня уже нет дороги назад, но ты точно можешь не идти по моим стопам, можешь стать просто ученым.

Но я знал, что это невозможно. Можно сказать, что я от

рождения был «человеком идеологии». Я уже говорил, что я – дитя революции, партия воспитала меня, и когда партия и страна нуждаются во мне, я не могу иметь собственных желаний и делать свой собственный выбор.

После проверки багажа наставник спросил, знаю ли я, кто этим занимался. Я ответил:

– Не знаю.

– КГБ.

Я думаю, он уже догадывался о моем тайном статусе, но изобразил удивление:

– Разве это возможно?

Он рассмеялся:

– Друг мой, думаю, ты можешь быть честен со мной, ведь кроме должности младшего научного сотрудника института изучения криптографии Китайской академии наук у тебя же есть еще и другая должность?

– Господин Андронов, почему вы вдруг заговорили об этом?

– Потому что в последнее время я ощутил, что у тебя много тайн.

– Господин, у меня нет тайн от вас.

– Друг, ты не говоришь правду.

Указав на урну с прахом, он спросил, как умерла моя жена Сяо Юй. Он сказал, что не верит, что это была случайная автокатастрофа. Я поклялся, что все было именно так. Что же все-таки произошло, я и сам не знал, однако это все, что

я мог ответить, несмотря на мое к нему доверие. В конце он торжественно попросил меня запомнить его слова: если после возвращения на родину от меня потребуют заниматься расшифровкой секретов его страны, я ни в коем случае не должен соглашаться.

– Я так говорю, во-первых, потому что не могу этого принять, исходя из наших дружеских отношений, а во-вторых, потому что сейчас твоих навыков недостаточно, чтобы добиться успеха.

– Вот именно поэтому я еще вернусь и продолжу учебу.

Он покачал головой:

– Нет шансов. Так же, как у наших стран нет шансов вернуться к тем отношениям, которые были раньше. И мы больше не сможем быть в отношениях «учитель – ученик», поэтому останемся друзьями!

Его лицо стало печальным, он обнял меня и произнес:

– Садись в поезд! Счастливой тебе дороги!

На том мы и расстались.

Я вошел в вагон, и вскоре в дверь купе постучали. Вошедшим оказалась товарищ Самолет, в руках она держала черный чемодан. У меня был такой же, он стоял под столиком. Она поставила свой чемодан рядом с моим, назвала мне код от своего и, уходя, прихватила мой – абсолютно такой же. Я не знал, что у нее в чемодане, но понимал, что содержимое было важнее моей жизни. Если по дороге произойдет непредвиденная ситуация, мне прежде всего надо заботиться-

ся не о своей жизни, а о сохранности того, что в чемодане.

Спасибо, господин Андронов, за пожелания, в дороге все будет хорошо!

02

В первый же день после моего возвращения в Пекин ко мне в гостиницу пришел какой-то человек, чтобы забрать чемодан, который дала мне товарищ Самолет. На второй день заместитель начальника оперативного отдела штаб-квартиры принял меня. Фамилия его была Те, ему было за пятьдесят, он был наполовину седой, из-за чего выглядел старым. Однако голос у него был зычный, говорил он прямо и твердо, как генерал. Когда-то он занимал пост первого директора подразделения 701, из-за его характера подчиненные за глаза называли его Мина. Два года назад он покинул подразделение 701 и перевелся в штаб-квартиру, где занял более высокую должность – заместителя начальника отдела, занимавшегося оперативной работой. Его секретарем был молодой человек по фамилии Ли, владевший русским языком, до моего отъезда в Москву мы несколько месяцев работали вместе. Так как времени было не так много, наше знакомство было поверхностным, но, когда мы встретились после этих нескольких лет, наши отношения стали более теплыми. Накануне моей встречи с начальником Те он приходил ко мне в гостиницу поболтать, расспрашивал меня о жизни, расска-

зал новости отдела и был очень приветлив. Он поведал, что из-за моего возвращения у начальника Те изошли ожесточенные споры с другими руководителями.

– Возможно, вы не в курсе, в эти годы мы расшифровали коды высшего военного руководства вражеских сил – Америки, Великобритании и Тайваня. В этом деле материалы, которые вы доставали, сыграли важную роль. Поэтому в организации очень положительно оценивают ваш труд. И некоторые были не согласны с вашим возвращением, они полагали, что вы слишком хорошо справляетесь там, жалко, если вернетесь.

– Сейчас ситуация сложная для работы, очень много ограничений, не то что раньше.

– Да, настоящее не сравнить с прошлым.

Затем он спросил меня о перспективах российско-китайских отношений. Я ответил: не очень хорошие. Он сказал:

– Действительно, не очень хорошие. Естественно, мы считаем так же, но найдутся люди, которые, наоборот, скажут, что перспективы прекрасные. Не знаю, обратили ли вы внимание, в гонконгских газетах пишут, что Чан Кайши¹⁸ собирается отпраздновать свой юбилей в Нанкине.

– Да пусть говорит что хочет, это всего лишь слова, лишь лясы точит.

¹⁸ Чан Кайши (1887–1975) – политический деятель, возглавлявший партию Гоминьдан с 1925 года после смерти Сунь Ятсена, маршал и генералиссимус. Был президентом Китайской Республики. После поражения Гоминьдана в 1949 году бежал на остров Тайвань, где возглавил правительство.

– Два года назад он лишь болтал, а сейчас – сказал-сделал, все уже по-другому. Ты жил за границей, не в курсе, что происходит в стране, сейчас для нас самый сложный период. В стране каждый год происходят стихийные бедствия, на международной арене отношения с СССР стали сложными, и на границе с Индией напряженная обстановка. Можно сказать, «и в стране печали, и за границей проблемы». Твои проблемы вдохновляют других, которые желают воспользоваться ситуацией, «бросают камни на упавшего в колодезь», добывая лежачего. Чан Кайши питает именно такие радужные планы, планы низкого человека.

– Десять лет назад, когда разразилась Корейская война, он ведь тоже воодушевился и каждый день посылал самолеты бомбить приморские города, а также направил туда огромное количество шпионов, чтобы действовать и снаружи и изнутри, и провести контрнаступление на Китай? А что в итоге? «Курица улетела, яйца разбились», он остался ни с чем, потерял тот капитал, что имел.

– История повторяется. В отличие от того, что было десять лет назад, изменились крикливые лозунги, раньше это был призыв «Нанесем контрудар по Китаю», теперь – «Вернем Китаю былую славу». Поэтому они сменили «золотой код» на шифр «Возродим былую славу № 1».

Я знал, что «золотой код» – это тайный шифр связи Тайваня и шпионов в КНР, шифр самого высокого уровня, созданный специально для этих целей американским специ-

алистом. Срок его службы – двадцать лет, сейчас его используют всего лет десять. Лишь года два назад у нас стало немного получаться его расшифровывать, но процесс этот был такой медленный, что у них еще не было необходимости его менять. Если его поменяли, это означает, что они действительно собираются воевать.

Я спросил:

– Кто занимается расшифровкой?

– Ваше родное подразделение – 701.

Значит, подразделение 701 снова столкнулось с серьезным испытанием. Десять лет назад они не слышали, а теперь не видят. Я спросил Ли, кто сейчас глава подразделения. Он ответил: Ло. Я знал ее, это была выдающаяся женщина. Когда я работал в отделе радиоперехвата, она была начальницей. Насколько мне было известно, она не умела расшифровывать коды. Ли рассмеялся:

– Да, она занималась радиоперехватом, ничего не понимает в дешифровке. Но ничего страшного в этом нет, главное, чтобы вы умели, ведь сейчас вы – замглавы подразделения 701 и начальник группы расшифровки кода «Возродим былую славу № 1».

Услышав это, я остолбенел:

– Я же не так много знаю, как же я могу брать на себя такую огромную задачу?!

– Все уже решено. Вчера документы были отправлены, я только вас информирую. После обеда начальник Те встре-

тится с вами, сейчас у него совещание.

Он искренне поздравил меня с повышением сразу на три ранга. Теперь я – самый молодой замглавы подразделения в нашей системе. Казалось, я был без сознания, так и пребывал в оцепенении до тех пор, пока он не встал, чтобы уходить. Тогда я начал поспешно просить, чтобы организация пересмотрела свое решение, вряд ли я справлюсь. Я сказал, что это совсем не то же самое, что после легкой борьбы загнать утку на насест, они требуют невозможного.

Он без обиняков ответил:

– Если есть какие-то вопросы, выскажите их начальнику Те. Бесполезно говорить это мне. Но и разговор с начальником Те тоже вряд ли что-то изменит.

И действительно, когда я после обеда встретился с начальником Те, он прямо мне сказал, что у меня нет возможности отказаться.

– И не надо больше даже думать об этом! – поучал он меня звонким голосом. – Никаких сомнений! Просто радостно заступаете на должность! Прямо сейчас входите в роль! Нашей организации пришлось проявить жесткость, чтобы отозвать вас от Андропова. У вас нет возможности обсуждать это решение. Это во-первых. Во-вторых, ваша задача крайне важная, повторяю, нашей организации пришлось проявить жесткость, чтобы отозвать вас от Андропова. Это говорит о том, что расшифровать шифр «Возродим былую славу № 1» намного важнее, чем любой другой. Это наша самая насущ-

ная задача. Первоочередная задача. Почему так срочно и так важно – это понятно. У старины Чана¹⁹ есть прекрасные мечты, к тому же он предпринимает и реальные действия. Вы, должно быть, знаете: в прошлом году Тайвань закупил у Америки современного вооружения на сумму один миллиард семьсот миллионов долларов. Один за другим проводятся военные маневры под лозунгом «Вернем Китаю былую славу», в Китай направляются целые партии шпионов, а сейчас поменяли шифр, и все в таком роде, и этим не ограничиваются. И все это говорит о том, что сейчас их призывы – это не просто слова. Они готовятся к крупным действиям. С другой стороны, допустим, что они только лишь говорят, но отправлено столько шпионов, и неясно, что они хотят, что говорят, что делают прямо у нас под носом. Мы ничего не знаем, не понимаем, мы не в курсе. Мы лишь вслепую тут нарушаем какие-то планы, там распускаем клевету, куда ж это годится? Это никуда не годится! Поэтому этот код «Возродим былую славу № 1» необходимо расшифровать, это наша первоочередная задача! В-третьих, если есть какие-то требования или проблемы, говорите, все в организации, включая и лично меня, приложат все усилия, чтобы помочь. Я понимаю, что, несомненно, возникнут огромные трудности. Я слышал, как начальник Лю говорил, что этот код – высочайшего уровня, самый продвинутый из тех, что использовал Гоминьдан до сегодняшнего дня. Его срок – тридцать лет.

¹⁹ Имеется в виду Чан Кайши.

То, что такой высокоуровневый код отдали спецслужбам, а не военным и не высшим руководителям, уже само по себе говорит о том, что шпионская сеть играет необычную роль в операции «Возродим былую славу». Вы только что вернулись, поэтому еще ничего не знаете об этом коде, не знаете, с какими столкнетесь проблемами, и еще не понимаете, какие требования выдвигать. Ничего страшного, начальник Лю в курсе. Когда мы закончим, я передам вам код. Хорошенько вникните, подумайте, а потом составьте план действий, включая трудности и требования, и подайте в виде доклада, а я сразу же дам вам ответ. Как вы смотрите на это?

А что я мог сказать? Естественно, только одно: «Хорошо!» Что касается этого дела – работы и моего личного будущего, для меня это было полной неожиданностью, а вот в том, что касается моей жены Сяо Юй, я испытал потрясение, я был ошеломлен. Начальник Те сказал, что завтра в МИДе будет проходить панихида по моей жене, на которой он будет присутствовать в качестве учителя Сяо Юй.

Я спросил:

– Что это значит?

В ответ он тоже задал мне вопрос:

– Разве вы не чувствовали, что Сяо Юй оказывает вам действительную помощь? Смогли бы вы так успешно переправлять товарищу Самолету все эти разведданные, которые собирали, работая с Андроновым?

Естественно, не смог бы. Я же был студентом, редко имел

возможность показываться на людях, тем более встречаться с женщиной намного старше меня. В действительности большинство добытых сведений я передавал товарищу Самолет через Сяо Юй. Она занималась секретарской работой в посольстве, а Самолет была родственницей начальника ее отдела, у них были хорошие отношения, они часто виделись, поэтому легко можно было передать материалы. Однако я всегда полагал, что Сяо Юй не в курсе моей истинной должности и уж тем более не знает о наших секретных связях с товарищем Самолет. Оказалось, что это не такой уж великий секрет! Начальник Те рассказал мне, что Сяо Юй все знала и сама давно была моей коллегой, но скрывала это от меня, чтобы облегчить давление на меня, ну и в рабочих интересах. В определенном смысле ее статус был даже выше моего! И именно поэтому начальник Те от имени руководства ее отдела принял участие в панихиде, ведь она была нашей коллегой, а работа в МИДе – это было лишь на словах, маска, прикрытие.

Для меня это стало настоящим потрясением. Я тут же подумал о том, что в смерти Сяо Юй, несомненно, есть скрываемые факты. Начальник Те сказал:

– Если говорить об умалчиваемых подробностях, то это не только причина смерти...

Действительно, «умалчиваемых подробностей» было столько, что я даже не знаю, с чего начать. На самом деле с того момента, как я познакомился с Сяо Юй, все, кажется,

уже было предreshено. Это был действительно тайный мир, в котором отношения мужа и жены служили придатком рабочих отношений, прикрытием, частью мер по защите безопасности. И именно с целью прикрытия МИД провел гражданскую панихиду, в ведомственной газете была соответствующая статья, как будто им не терпелось всем рассказать, что во время работы за рубежом Сяо Юй «попала в смертельное ДТП» и «погибла при исполнении служебных обязанностей». Но и этого оказалось недостаточно. После панихиды начальник Те забрал у меня урну с прахом жены, а когда я заступил на должность в подразделении 701, то обнаружил, что урна прибыла в мою комнату раньше меня: образцовое обиталище души, перед которым дымились благовоения, сквозь дым от которых на меня с фотографии смотрела Сяо Юй, словно нас разделял долгий и сложный путь.

Я понимал, что это было сделано, чтобы показать всем: Сяо Юй ушла. Как именно? Конечно же, «попала в смертельное ДТП». А если урна с ее прахом будет стоять в комнате, то эта новость быстро распространится и постепенно об этом узнают все в подразделении 701. Люди в нашей системе поднаторели в создании такого рода прикрытий.

03

Вернусь к моему рассказу. Когда мы встречались с начальником Те, на встрече присутствовал еще один человек – на-

чальник отдела Лю.

Если секретарь Ли был как тело для Те – был у него на побегушках, подавал чай и воду, помогал заниматься повседневными делами, то начальник Лю был его мозгом, он был мудр, обладал даром предвидения, мог давать дельные советы и разрабатывать планы, обладал большой целеустремленностью и решительностью. Начальник Лю был одним из первых дешифровщиков нового Китая. Находившийся в его ведомстве отдел контролировал всю работу нижестоящих подразделений по дешифровке. Вскоре после того, как я вернулся с панихиды по Сяо Юй, начальник отдела Лю пришел ко мне в гостиницу. Он был предельно вежлив, называл меня «замглавы Ань», что было непривычно. Поначалу мы просто болтали, обсуждали общих знакомых, коллег, а потом разговор вышел на шифры и коды: его нынешняя работа вскоре станет и моей работой. Говоря о коде «Возродим былую славу № 1», он вдруг спросил меня:

– Заместитель Ань, скажите, когда вы учились в СССР, не слышали ли об одном ученом-математике?

– О ком именно?

– Елена Скинская.

– Естественно, слышал!

Она очень известная в СССР женщина, имеющая выдающиеся достижения в области математики, но как человек очень заносчивая и надменная. Говорят, однажды ее пригласил на обед Сталин, а она отказала, потому что хотела

посмотреть футбольный матч. Конечно, Сталин ей этого не простил, и в результате ей пришлось бежать в Америку.

Лю спросил:

– А вам известно, чем она занималась после приезда в США?

– Да, она помогала американцам создавать шифры.

– Судя по всему, вы действительно много про нее знаете. Она ведь была однокурсницей вашего учителя Андропова, у них хорошие отношения.

– Да, Андронов часто упоминал ее имя. Вы наверняка знаете, что, уже будучи в Америке, она разработала для американских военных код, известный под именем «Беда века». Говорят, что это один из самых труднейших кодов, существующих сейчас. Но американцы все-таки не осмелились использовать его, потому что она ведь была родом из Советского Союза.

Лю сказал, что знает об этом, и спросил меня:

– А вы в курсе, что потом стало с этим кодом?

– Нет, не знаю.

– А я знаю. – И он передал мне папку с кучей материалов. – Код, который нам сейчас надо взломать, – «Возродим былую славу № 1» – это и есть разработанный Еленой Скинской код «Беда века».

Я не верил своим ушам!

Однако все обстояло именно так. Говоря словами начальника Лю, американцы побоялись использовать этот код, но

просто так отказываться от него им было жаль, тогда они перепродали его на Тайвань, а Гоминьдан купил его, словно сокровище. Папка выскользнула у меня из рук... У меня возникла физиологическая реакция на услышанное: в глазах потемнело, ноги подкосились, казалось, что кровь потекла в обратном направлении... Тем же вечером я написал доклад начальнику Те, в котором особо подчеркнул, что код этот – высококлассный математический шифр, один из лучших в мире, а не просто цифровой код. По моему мнению, с нашими нынешними силами взломать его невозможно, чтобы сделать это, надо привлечь людей со стороны, и не просто обычных людей – надо найти выдающегося математика. Одновременно с этим я снова заявил, что это слишком трудная для меня задача, и снова предложил пересмотреть мою кандидатуру на должность начальника группы, отвечающей за взлом кода «Возродим былую славу № 1».

На следующий день после обеда передо мной появился секретарь Ли, за ним стоял начальник Те. Он вошел в мою комнату и, улыбнувшись, произнес:

– Судя по всему, вы лучше всех понимаете Скинскую.

– Она училась на одном курсе с моим учителем Андроновым.

– Теперь вы понимаете, почему я остановил свой выбор именно на вашей кандидатуре?

– Но у меня недостаточно способностей для этой должности, я не математик...

Начальник Те прервал меня:

– Вы уже подошли. Способность вовремя предоставить реальный, выполнимый проект – это показатель соответствия служебному положению. Честно скажу вам, меня давно уже предостерегали специалисты, что нашими нынешними силами не взломать этот код, поэтому поиск людей – необходимость. Скажите, кого вы хотите перевести к вам в отдел? Мы – потомки Цзу Чунчжи²⁰, у нас нет нехватки в выдающихся математиках. А если есть, то отправляйтесь на поиски, приглашайте их. Если у вас не получится, я попробую пригласить их, у меня не выйдет, я найду того, кто справится. В общем, не надо бояться, что не сумеете пригласить, бойтесь, что не найдете, не сможете найти.

Как я, по правде говоря, пойду искать? Я же был всего лишь солдатом Восьмой народно-освободительной армии, потом переквалифицировался, у меня не было никакой теоретической базы, я был дешифровщиком, изучавшим это искусство с наставником. Я плохо разбирался в состоянии математической науки в Китае. Поставь передо мной шеренгу математиков, я не буду знать, кого выбрать.

Начальник Те выслушал меня и высказал свое мнение:

– То, что вы говорите о затруднениях, – это хорошо, но нельзя позволять затруднениям испугать вас. Я знаю, что в Америке все, занимающиеся криптографией, очень высоко оценивают этот код, но у нас есть благоприятные условия для

²⁰ Цзу Чунчжи (429–500) – китайский математик и астроном.

его взлома, потому что Скинская – из Советского Союза, в ее коде наверняка присутствуют моменты, которые свойственны советской школе шифрования. За последние годы мы в разной степени контактировали и с учеными-криптографами, и с математиками из СССР, а раз были контакты, значит, есть понимание, и в этом наше преимущество. Во-вторых, вы столько проучились рядом с ее однокурсником Андроновым, и вряд ли не будет результата. Поэтому, я думаю, вы можете так не бояться трудностей, а если боитесь, то все равно выход один – встретиться с ними лицом к лицу, отступить нельзя! Это первое, о чем я собирался сказать.

Во-вторых, он потребовал от меня немедленно приступить к действию, завербовать кого надо и закупить что надо, нельзя терять ни минуты. Начинать надо сейчас, сначала – найти нужных специалистов, потом вернуться в подразделение 701 и развернуть работу, нельзя ждать, нельзя медлить.

В-третьих, начальник Те дал название этой операции. Он сказал:

– Код, который мы должны расшифровать, называется «Возродим былую славу № 1», а нашу операцию мы назовем «Лучший из лучших»²¹, если вы не хотите быть начальником группы, ничего, тогда я займу эту должность, а вы будете моим замом. Это – моя единственная уступка вам, но если вы опять будете говорить о трудностях и соберетесь бросить

²¹ Тяньцзы ихао дословно переводится «Небо № 1», это выражение в китайском языке употребляется в значении «лучший из лучших, не имеющий себе равных».

работу, то уж не обессудьте, я уже не буду так вежлив!

Это был его ультиматум.

У меня не было другого выбора, но я не знал, с чего начать. К счастью, был еще начальник Лю, который являлся выпускником-отличником математического факультета Университета Цинхуа²² и давно уже общался с учеными-криптографами, поэтому он сразу же подсказал мне кандидата. Этого человека звали Ху Хайбо, он недавно вернулся из Америки, несколько лет назад его завербовали для дешифровки секретные службы военно-морского флота. Он отличился на этой работе, расшифровав за короткое время несколько иностранных кодов высокого уровня. Все вращавшиеся в этих кругах изумлялись этому. Начальник Лю сказал:

– Он, несомненно, самая подходящая кандидатура, но, боюсь, маловероятно перетащить его к нам, разве что начальник Те сам возьмется за это дело.

Я доложил об этом начальнику Те, тот сразу же, ни минуты не колеблясь, лично отправился к соответствующему начальнику из ВМФ. Ху Хайбо в тот момент был в Пекине, но прибыл на следующий же день. Ему было сорок с лишним лет, на нем была синяя форма капитана первого ранга, он носил очки, имел пышную шевелюру, говорил медленно, и на вид был умным, интеллигентным человеком. Когда я по-

²² Университет Цинхуа – один из ведущих университетов КНР, расположен в Пекине.

дошел, начальники Те и Лю уже разговаривали с ним, было похоже, что они уговаривают его перевестись к нам, но капитан Ху уже отказался. Когда начальник Те представил нас друг другу, он, словно собираясь разрубить этот гордиев узел, решительно сказал:

– Давайте так: пока не будем говорить о переводе, думаю, это будет трудно сделать. Даже если вы согласитесь, не факт, что это будет возможно. Предлагаю компромисс: мы несколько месяцев попользуемся вашими услугами, а с вашим начальством я договорюсь, хорошо?

Капитан подумал, а потом искренне и немного растерянно произнес:

– Товарищ начальник, не то чтобы я не хотел, но... Как бы вам сказать... Код Скинской я не смогу взломать. Она создала код советского образца, а я никогда не соприкасался с такого рода кодами, не говоря уж об их изучении, так что, даже если я переведусь к вам, помочь ничем не смогу.

Начальник Те ответил:

– Никто не соприкасался с советскими кодами, ведь отношения между нашими странами такие прекрасные, по крайней мере были раньше, зачем нам было взламывать их коды? К тому же никто и представить себе не мог, что код Скинской в итоге окажется на Тайване!

Капитан Ху сказал:

– Да уж, раньше они всегда использовали американские коды.

– Поэтому это будет впервые, такого никогда не было, мы как будто заново сотворим мир! Вот почему операция носит название «Лучший из лучших»²³. Однако, по моему мнению, все коды мира в чем-то похожи. Вы взломали столько кодов, никто не сравнится с вами в том, что касается опыта и навыков. И я все же надеюсь, что вы протянете нам руку помощи.

Капитан улыбнулся, качая головой:

– Товарищ начальник, вы не правы. Все как раз наоборот, все коды абсолютно не похожи друг на друга, советский и американский – это совершенно не одно и то же. Один – очень сложный, стремится создать глубокие затруднения, техническая составляющая в нем особенно велика. А второй стремится к тому, чтобы завести в тупик, он одерживает победу благодаря загадочности и хитроумности. Можно сказать, что они отличаются, как небо и земля. Один летит в небо, второй зарывается в землю. Между ними такая огромная разница. И это – результат продуманных действий ученых обеих стран, разрабатывающих коды. Они специально стремились к различиям, и чем их больше, тем лучше. И потому, в мире криптографов есть одно неписаное правило: тот, кто взламывает американские коды, не занимается кодами советскими, потому что не может этого делать. У каждого есть свои плюсы и минусы, таков уж человек, если силен в

²³ Игра слов. По-китайски выражение «сотворить мир» дословно переводится «создать небо и землю», а название операции, как было сказано выше, переводится как «Небо № 1», «первое небо».

одном, в другом зачастую бывает слаб, и чем сильнее в одной сфере, тем слабее в другой. Вот и я так же, вы считаете меня сильным, но у меня нет достоинств, чтобы взломать «Возродим былую славу № 1», есть только слабые стороны. Возможно даже, что любой найденный вами математик будет сильнее меня.

Начальник Те указал на меня:

– Он ищет повсюду, но новичку придется начинать все в одиночку, я в душе не уверен, поэтому специально обратился к вам. Думал, что ваш приход прибавит уверенности. Я и не предполагал, что в этом деле столько всего скрыто.

Капитан ответил:

– Если найдете подходящего человека, то не будет играть роли то, что он новичок. Взлом кода можно сравнить с отношениями мужчины и женщины. Если ты много раз вступал в любовные отношения, не факт, что и на этот раз получится. Тут самое главное – чувство, предопределение и чуткость.

Он предположил, что не лишним будет сходить в НИИ Академии наук КНР и попробовать поискать там. В последние годы немало математиков вернулось из-за границы, и большинство работает именно там. Он сказал:

– Хотя не каждый сможет заниматься этим, но без математика тут точно не обойтись. Там людей много, есть из кого выбрать. Я могу предоставить вам материалы для отбора, они помогут вам подобрать подходящую кандидатуру.

Материалы были у него на работе, поэтому начальник Те

велел мне пойти вместе с капитаном Ху забрать их. Мы все вместе вышли на улицу, и, пока ждали машину, он вдруг вспомнил одного человека и обернулся к начальнику Те:

– Если вы сможете найти ее, то она, скорее всего, именно тот человек, который вам нужен.

Он рассказал, что она работала раньше в американском центре Рэнд²⁴ и, насколько ему известно, уже расшифровывала советские коды. Начальник Те широко открыл глаза и спросил: как же ее найти? Капитан ответил, что несколько лет назад он столкнулся с ней в Харбинском военно-промышленном университете, тогда это была молодая и красивая девушка, но потом она покинула университет, и где она сейчас, он не знает.

– Как ее зовут? – спросил начальник Те.

– Хуан Си.

– У нас есть имя, фамилия, место работы, разве же не найдем?

Начальник Те тут же дал мне указание разделить силы. Одна часть сотрудников под руководством начальника Лю отправится в Харбинский военно-промышленный университет искать женщину по имени Хуан Си, а вторая, под моим руководством, – в НИИ математики при Академии наук.

²⁴ Рэнд (RAND) – аббревиатура от англ. Research and Development (Исследования и разработка). Это некоммерческий центр стратегических исследований, расположенный в Санта-Монике, США.

НИИ математики при Академии наук располагался в северной части района Хайдянь²⁵, его двор казался вымершим. В тот же день после обеда я съездил в организацию, где работал капитан Ху, чтобы забрать документы, а на обратном пути как раз проезжал мимо и под видом просто прохожего проскользнул внутрь. Как только я прошел ворота, сразу же увидел статую Цзу Чунчжи, сверкавшую на солнце. Вдалеке какой-то юноша смотрел на солнце, словно пытался рассчитать, на какой высоте оно находится. Когда я уходил, встретил старика в очках для близоруких с толстыми линзами, он собирал только что высыпавшуюся из корзинки картошку. Одна укатилась в канализацию, но старик не сдавался: словно величайшее сокровище, он достал ее и положил в корзину. Судя по всему, моя страна сейчас в таком бедственном положении, о котором я не догадывался.

В тот же день вечером я заселился в институтскую гостиницу под именем Ян Сяоган. Для того времени гостиница была довольно высокого уровня, ведь в нее часто селили иностранных специалистов. За столом у двери сидел охранник, который, казалось, знает всех, кто входит и выходит. Когда я зарегистрировался на у стойки регистрации, увидел,

²⁵ Северо-западный район Пекина. Здесь располагается большое количество вузов, поэтому иногда его называют «университетским районом».

что в холле сидят и беседуют двое иностранцев – мужчина и женщина. Я не понимал, о чем они говорят, но они точно были не из Советского Союза.

Примерно три часа назад секретарю местного парткома Вану позвонил руководитель Академии наук и сообщил, что я скоро «удостою их визитом». Он сказал:

– Как только он прибудет, немедленно сообщи мне. – Перед тем как повесить трубку, руководитель дал наставление: – У него особая миссия, вы должны гарантировать его безопасность.

Поэтому секретарь парткома, положив трубку, сразу же помчался в гостиницу и сел в только что отремонтированном холле, со страхом и трепетом ожидая моего появления. Периодически он, несмотря на дождь, выходил на улицу и всматривался вдаль, предполагая, что я прибуду в срок. Можно сказать, что он ждал меня и тщательно обдумывал, что именно он скажет во время моего «визита». Но когда я действительно появился, он всего лишь пару раз взглянул на меня, даже поздороваться не подошел, не говоря уж о «теплом приеме».

Причин такой негостеприимности было, как я думаю, две: во-первых, в тот момент шел дождь, было темно, и я, словно дезертир, скрывающийся от армии, вбежал в гостиницу. Выражение моего лица и одежда указывали на мрачное и взволнованное состояние, я никак не походил на «важную персону». А во-вторых, регистрируясь у стойки регистрации, я

использовал ненастоящее имя – Ян Сяоган. Я обратил внимание на то, что сначала секретарь парткома отреагировал на мое появление: когда я вошел в холл, он внимательно и настороженно осмотрел меня, даже походил рядом, словно разведчик. Когда я пошел регистрироваться, он последовал за мной и для отвода глаз завел разговор с сотрудником за стойкой. Плохой был из него разведчик! Но когда я достал рекомендательное письмо, написанное на самой простой бумаге и свидетельствовавшее о том, что я всего лишь простой преподаватель некоего южного вуза по имени Ян Сяоган, он внезапно утратил ко мне интерес и сразу же отошел от меня. Я спиной чувствовал, как удаляются его тяжелые шаги. Закончив регистрацию, я отправился наверх и видел, что секретарь нервно прохаживается у двери. Его встревоженный взгляд то и дело устремлялся в дождливую темноту, словно я еще в пути и в любой момент могу материализоваться из этой темноты.

Говоря по правде, я и не думал, что из-за моей старой привычки пожилой секретарь парткома будет понапрасну нервничать больше часа. Я имею в виду свою привычку регистрироваться под чужим именем, но это иногда была насущная необходимость. При мне всегда было несколько незаполненных рекомендательных писем, мой выбор имени и статуса определялся личными предпочтениями и часто был случаен. Вот смотрите, в этот раз при заселении я засунул руку в рюкзак и нащупал какое-то письмо – у меня было много оди-

наковых по размеру и качеству бумаги. Сначала я вытащил рекомендательное письмо от правительства некой северной провинции на имя начальника отдела Синь Сяофэна, но подумал, что эта должность не очень подходит моему нынешнему виду – как мокрая курица, тогда я нащупал в рюкзаке другое письмо, это было письмо на имя Ян Сяогана. Нет нужды говорить, что и Синь Сяофэн, и Ян Сяоган – это не мои настоящие имена. Настоящее было Ань Цзайтянь, а положение – заместитель главы подразделения 701, кодовое имя – А705, что означало «пятый по старшинству в подразделении 701». Если говорить о количестве моих личин, то я не уступаю старым аферистам, можно сказать, что из списка в сто фамилий²⁶ для своих фальшивых имен я использовал половину. Только в этот раз по пути на родину в течение восьми дней я употребил шесть имен – Ли Сяньцзинь, Чэнь Дунмин, Дай Сунмин, Лю Юйтан и др. Они в определенной степени отражают, сколько событий пришлось пережить за это путешествие и присущую мне осторожность. Осторожность, а не трусость. Осторожность и трусость, как и спокойное безразличие и подавленность, кажутся внешне похожими, но по сути отличаются, как небо и земля.

Секретарь Ван уже заказал для меня комнату – номер три-

²⁶ Список «Сто фамилий» (Бай цзя син) – рифмованный список всех китайских фамилий. Создан в начале эпохи Северная Сун (960-1279) неизвестным автором. Использовался для заучивания иероглифов. Изначально в него входили 411 фамилий, в настоящее время – 504.

ста один. Это был сыют²⁷, в котором находилась огромная деревянная кровать с классической узорной резьбой, на ней высились шелковые одеяла и подушки, москитная сетка была сделана из нейлона, тонкого и прозрачного, словно крылышки цикады. В номере также был раздельный санузел. Внешняя комната была просторной, со всем необходимым: здесь стоял уютный диван, модный телефон, вешалка, настольная лампа, чайный столик и чайные принадлежности, пепельница и другие предметы обихода, а под потолком вентилятор. Этаж был самый верхний, а местоположение – конец коридора, поэтому здесь не только было тихо, но и обеспечивалась конфиденциальность, и было чувство безопасности. Именно такой номер и был мне нужен, ведь я служил в особом подразделении 701. Но он был зарегистрирован на имя Ань Цзайтяня, а не Ян Сяогана. Ян Сяоган мог проживать лишь в обычном номере, которых было много, выбор был большой, в соответствии с моими пожеланиями мне достался номер двести один, находившийся под номером триста один. Это тоже был сыют в конце коридора, и хотя предметов обихода тут было меньше, но в целом он отвечал моим требованиям. Поэтому, после того как вошел, я решил остаться в нем.

Так как я всю дорогу бежал под дождем, то немного устал, поэтому после заселения я быстро помылся, лег и очень

²⁷ Сыют – номер в гостинице с улучшенной планировкой. Обычно состоит из двух или более комнат.

быстро заснул беспокойным сном. Однако оглушительный раскат грома разбудил меня. Я услышал, как что-то без остановки стучит по оконной раме. Не понимая, что происходит, я подошел к окну посмотреть. Оказалось, что справа от окна растет финиковая пальма высотой примерно с гостиницу. Было лето – пора цветения, ветви пышно разрослись, и одна из них доставала до моего окна и при помощи ветра нагло стучала в окно. Я выглянул наружу. Одно ответвление от пальмы росло прямо в стену под моим окном, и если бы его конец вовремя не спилили, вполне возможно, что он пробил бы стену и оказался прямо в комнате. А из-за того, что конец отпилили, само ответвление выглядело особенно толстым и прочным, оно словно образовывало мостик и заканчивалось прямо под моим окном. Физически сильный и не боящийся высоты человек мог бы подобраться к моей комнате, разбить окно и влезть внутрь.

Куда это годится?

Никуда не годится!

Поэтому я спустился и потребовал другой номер.

На стойке регистрации не согласились поменять номер. Я на ходу придумал несколько причин, по которым мне это необходимо, но их посчитали совершенно безосновательными и отказали мне. Так как я не испытывал страха, то и голос мой от волнения становился все громче. Но сотрудник гостиницы вообще не испугался, он украдкой поглядывал на находившегося за моей спиной секретаря парткома и с пре-

зрительным молчанием игнорировал меня. В отчаянии я, совершенно не похожий на человека, наделенного тайной властью, стал запугивать его:

– Я – гость секретаря Вана, посодействуйте, пожалуйста. Хорошо?

В этот момент секретарь Ван как раз стоял рядом, он был утомлен длительным ожиданием и, услышав мои слова, отреагировал немного нервно, но вежливо спросил:

– Я секретарь Ван, позвольте спросить: а вы кто?

– Я из подразделения 701.

– Ваша фамилия Ань?

– Да, меня зовут Ань Цзяйтянь.

Он ахнул, мгновенно подскочил ко мне и крепко пожал руку. Сила его рукопожатия и внешний вид давали понять, что он хочет как можно скорее что-то рассказать, я не знал, что именно, но понимал, что некоторые вещи нельзя рассказывать здесь, это может доставить мне неудобство. Поэтому я очень умело перевел рукопожатие в теплые объятия и, когда моя голова оказалась у его плеча, тихо произнес:

– Здесь неудобно говорить, отведите меня в мою комнату.

05

Естественно, это был номер триста один.

Войдя в комнату, я первым делом подошел к окну, чтобы посмотреть на ту ветку финиковой пальмы. Она раскачива-

лась на ветру, и звук, который она издавала, напоминал морской прилив. Казалось, ветвь пытается ударить меня, но никак не достает, за метр-два до меня она отскакивала обратно. Я подумал, что кошка, возможно, смогла бы допрыгнуть, но из людей лишь у Ши Цяня из «Речных заводов»²⁸ была такая способность. Я верил в то, что я осторожный человек, но я также верил, что каждый сотрудник подразделения 701 должен был быть осторожным. Потому что, как говорил глава штаб-квартиры, «один сотрудник нашего подразделения стоит любого полевого командира».

И действительно, в то время радиостанция ЮС каждый день вела трансляции для наших сотрудников в надежде на то, что мы перебежим на их сторону. За каждого предлагали определенную сумму, самая большая стоимость превышала несколько сотен тысяч долларов, самая низкая – несколько тысяч. Например, я, конечно, не стоил десятков тысяч, но моя цена была больше десяти. То есть тот, кто переправит меня в некую страну, получит эту сумму. Несомненно, на такие деньги всегда найдутся желающие рискнуть. Говоря по правде, во время командировок у меня всегда на душе было беспокойно, я подозревал всех и вся. Может, потому что я многое повидал, может, потому что ситуация

²⁸ «Речные заводы» – китайский классический роман XIV века, автором которого является Ши Найань (1296–1372). В романе описываются подвиги и приключения 108 «благородных разбойников» – повстанцев лагеря Ляншаньбо. Одним из этих героев был Ши Цянь – вор, прозванный «Блохой на барабане» за его выдающиеся воровские способности.

была такая... Кстати, о ситуации — все знали, что положение серьезное, продолжает ухудшаться и неизвестно, до чего в итоге дойдет дело. Если подумать, ведь и правда, раньше никто не мог и представить, что наш былой «старший брат» СССР превратится в нашего противника, что две наших страны поссорятся и станут врагами, «меч будет вытащен из ножен и натянуты стрелы», ситуация будет крайне напряженной, что мы будем вести открытую и закулисную борьбу. А еще с каждым днем усиливающееся напряжение в Тайваньском проливе, Чан Кайши строит планы по «возрождению былой славы Китая»... В такой ситуации я четко ощущал, как уменьшается моя смелость, я становлюсь все более подозрительным и осторожным. Да, осторожным. Осторожным, а не трусливым. Но в моей осторожности была скрыта и трусость. Моя новая комната была намного лучше предыдущей, говорят, что в соседних номерах специально разместили двух охранников. Мне понравилось это ощущение. Ощущение безопасности. Судя по всему, товарищ секретарь парткома — не «ученый, который ничего не понимает в реальной жизни», как я про него слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.